Изъ разсказовъ духовнаго ветерана.

I.

Въ селѣ Л доживалъ свой вѣкъ заштатный дьячекъ Семенъ Петровичъ Сладкогласовъ, глубокій старецъ, убѣленный сѣдинами. По свойственному старикамъ обыкновенію, Семенъ Петровичъ любилъ вспоминать о быломъ, сравнивать настоящее съ прошедшимъ и побесѣдовать о сѣдовласой старинѣ. Особенно любилъ онъ поговорить о томъ, какъ „во дни оны“ жилось духовной братіи.

„Тяжело и нынѣ“, говорилъ Семенъ Петровичъ, „жить нашей духовной братіи, а въ старину, лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тому назадъ, было еще тяжелѣе: и бѣдности больше было въ духовенствѣ, и обиды несносныя часто приходилось терпѣть нашему брату отъ знатныхъ да сильныхъ людей“.

„Въ старину духовные любили потрудиться: они сами и пахали, и бороновали, и всякую крестьянскую работу справляли. Жили они, особливо въ селахъ-то, почти по-крестьянски, въ щегольство не пускались. Были въ то время

и священники (а ужъ о діаконахъ и причетникахъ и говорить нечего), которые лапотками не пренебрегали, а сапожки-то берегли про святъ день до обѣда да на тотъ случай, когда требовалось идти въ барскій домъ или къ начальству явиться. Стало быть, духовные умѣли беречь копѣечку. А все они отъ бѣдности да нужды не могли отбиться".

„Бѣдно жили и священникъ, а ужъ нашъ братъ—причетникъ и совсѣмъ бѣдствовалъ. Вотъ, къ примѣру сказать, мой покойный родитель Петръ Димитричъ,—пошли ему, Господи, за долготерпѣніе царство небесное!—мученикъ былъ на семъ свѣтѣ. Состоялъ онъ причетникомъ въ барскомъ селѣ Овражкахъ (сперва былъ понамаремъ, а потомъ, на старости лѣтъ, взысканъ былъ архипастырскою милостью и повышенъ во дьячка). Родитель поступалъ въ Овражки на мѣсто своего престарѣлаго отца, а моего дѣда Димитрія Игнатича. Дѣдъ сдавалъ свое мѣсто съ уговоромъ, чтобы родитель мой взялъ на свое попеченіе и самого дѣда, и его двухъ дочерей, престарѣлыхъ дѣвицъ. Поэтому, у моего батюшки съ перваго же года службы на рукахъ оказалась не малая семья. Когда же батюшка сочетался законнымъ бракомъ, Господь благословилъ его самого дѣтками, и семья моего родителя скоро умножилась до десяти душъ".

„Изъ силъ выбивались родитель мой и родительница Аграфена Кондратьевна,—царство ей небесное,—чтобы пропитать свою семью, да иной разъ ничего подѣлать не могли. На доходы отъ прихода никакъ нельзя было возлагать упованія. Прихожане, разоренные помѣщичьи крестьяне, за всѣ требы платили больно скудно: кто, бывало, дастъ за требу каравай печенаго хлѣба, кто отпуститъ ковшъ муки на весь церковный причтъ, кто пожертвуетъ рѣшетечко овсеца.

А много-ли достанется изъ какого-нибудь каравая, полученнаго за крестины, на долю понамаря? Денежный доходъ и совсѣмъ былъ пустой: сжели батюшка мой получалъ этого дохода рубликовъ десятокъ въ годъ, онъ ликовалъ и почиталъ такой годъ доходнымъ. Жалованья въ то время духовенству не полагалось" *).

„Кое-гдѣ въ барскихъ-то селахъ церковники имѣли вспомоществованіе отъ помѣщиковъ, а въ Овражкахъ на этотъ счетъ было плохо. Овражками владѣлъ въ то время отставной подполковникъ Григорій Александровичъ Губаревъ. Онъ о церкви Божіей не радѣлъ, духовнаго званія не любилъ. Много поношеній чинилъ онъ духовному сану, а насчетъ вспомоществованія, бывало,—не взыщи: возика соломки не пожалуетъ на прокормленіе скота. А честь да угожденіе Губаревъ больно любилъ, и причтъ церковный держалъ въ страхѣ и покорности. Бывало, свадьбу не моги повѣнчать безъ его приказу: „я, говоритъ, одинъ только могу распорядиться моими подданными" (такъ онъ называлъ своихъ крестьянъ). Законнаго-ли чего, незаконнаго-ли баринъ потребуетъ отъ тебя—ужъ, бывало, не супротивничай, а твори его волю; не то такой бѣды наживешь, что и жизнь тебѣ немила станетъ. Въ Овражкахъ годика съ два служилъ дьякономъ о. Петръ, по фамиліи Благодатскій. Тяжко онъ, бѣдный, пострадалъ за то, что не угодилъ барину. Съ этимъ Благодатскимъ былъ такой случай. Въ день тезоименитства барина въ Овражкахъ завсегда полагалось служить обѣдню, а потомъ молебенъ съ возглашеніемъ многолѣтія боляpину Григорію Александровичу. Всѣ прежніе дьякона соблюдали это въ точности, а о. Петръ былъ чело-

*) Жалованье духовенству Пензенской епархіи назначено было въ 1857 году, при преосвященномъ Варлаамѣ.

вѣкъ молодой да такой смѣлый. По молодости своей, онъ не зналъ еще, какъ плохо жить тому, кто не угодитъ сильному человѣку. Когда, по отслуженіи молебна, дѣло дошло до возглашенія многолѣтія барину, о. Петръ стоитъ да молчитъ. Священникъ о. Сергій говоритъ ему: „возглашай, дьяконъ, многолѣтіе боляpину Григорію Александровичу“! Дьяконъ возьми да и скажи на это: „въ уставѣ не положено многолѣтія никакому боляpину“. Баринъ, который былъ въ это время въ церкви, разсердился и крикнулъ: „не надо мнѣ твоего многолѣтія“! Сказалъ онъ эти слова и ушелъ изъ храма. О. Сергій тутъ же, въ церкви, пpeрекъ дьякопу: „сокрушитъ тебя баринъ“! И точно, для дьякона наступило плохое житье: хлѣбецъ-ли у него выростетъ въ полѣ—баринъ нагонитъ скотины и потравитъ, скотинку-ли дьяконъ выпуститъ на луга попастись—баринъ прикажетъ ее загнать и заставляетъ потомъ выкупить; разъ загналъ дьяконскихъ овецъ на свою псарню и отдалъ ихъ на растерзаніе псамъ. Терпѣлъ, терпѣлъ дьяконъ да и вдумалъ какъ-нибудь отплатить своему барину. Ухитрился какъ-то дьяконъ заманить къ себѣ на дворъ барскаго пса, порѣшилъ этого пса и гдѣ-то закопалъ. Встрянулся баринъ его (песъ-то этотъ былъ любимый у барина и за большія деньги купленъ) и всю дворню поднялъ на ноги. Поискали, поискали пса, да не нашли его ни живого, ни мертваго. Ужъ и досталось же тогда дворовымъ людямъ, особливо псарямъ! Главнаго своего псаря Тихона Петровича баринъ такъ сѣкъ, что тотъ, бѣдный, чуть Богу душу не отдалъ. Можетъ быть, и не дознались бы, отъ чьей руки погибла барская собака, да дьяконъ самъ какъ-то проболтался, и дошло это до барина. Хоть узналъ баринъ, отъ кого погибла его собака, но до поры—до времени помалкивалъ. Разъ ѣдетъ дьяконъ на луга и никакой бѣды

не ждетъ. Проѣзжать дьякону надо было мимо барской усадьбы (баринъ-то у насъ жилъ въ концѣ села, немного поодаль отъ крестьянскихъ дворовъ). Вдругъ нежданно-негаданно для о. дьякона съ барской усадьбы выходятъ три молодца, останавливаютъ дьяконскую лошадь, сталкиваютъ дьякона съ телѣги и ведутъ на барскій дворъ. „Пойдемъ-ка, говорятъ, къ барину на расправу; давно тебя тутъ поджидали“. Дрогнуло сердечко у дьякона. Попытался было дьяконъ вырваться, да не тутъ-то было: крѣпко держали. Привели бѣднаго дьякона на дворъ и доложили объ этомъ барину. Вышелъ баринъ и говоритъ: „сказывайка-ка, долгогривый (онъ часто такъ называлъ нашего брата—духовнаго), какъ ты хоронилъ моего любимаго пса. Привыкъ ты людей-то отправлять на погостъ да поминки справлять; тебѣ захотѣлось и мою собаку въ землю закопать“. Дьяконъ сталъ запираться, да баринъ не далъ ему вѣры. „Знаешь-ли, допрашивалъ баринъ, какого ты пса-то у меня погубилъ?—Онъ у меня одинъ съ волкомъ справлялся; я ста душъ крестьянъ моихъ не пожалѣлъ-бы, лишь бы воротить этого пса“. Точилъ, точилъ баринъ дьякона да и скомандовалъ: „ведите-ка его на конюшню“! А зачѣмъ туда водили—извѣстно. Бѣдный дьяконъ и прощенья просилъ-было, и судомъ угрожалъ, и на санъ свой священный указывалъ, да ничто не помогло“...

„Въ тотъ же день всѣ церковники узнали, какое посрамленіе учинилъ баринъ духовному сану, и перепугались: „ежели, думаютъ, съ дьякономъ такъ расправился, то доберется и до насъ“. Всѣ духовные совѣтовали дьякону не спускать таковой обиды и подать на барина жалобу, дабы ему впредь неповадно было чинить такое поношеніе духовенству. Дьяконъ походилъ-таки по судьямъ-то: былъ и у совѣстнаго судьи, и у уѣзднаго (въ то время были совѣст-

ные суды, уѣздные и земскіе), метался и туда и сюда. Но къ кому онъ ни являлся, вездѣ слыхалъ одно: „съ сильнымъ не тянись, съ храбрымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Былъ у дьякона братъ двоюродный, по судейской части служилъ въ нижнемъ земскомъ судѣ. Этотъ братъ и говоритъ дьякону-то: „ты хочешь судиться, да перво-наперво гдѣ у тебя свидѣтели-то? Ежели дворовые и видали, что съ тобой дѣлалъ баринъ, развѣ они покажутъ это? Они знаютъ, что баринъ за это съ нихъ шкуру спуститъ или въ солдаты отдастъ“. Видитъ дьяконъ, что дѣло его не выгоритъ и, пожалуй, еще за оклеветаніе самого-то подведутъ подъ судъ,—и махнулъ на все рукой: видно-де, ничего съ бариномъ не сдѣлаешь и праваго суда на него не сыщешь. Обидно показалось дьякону послѣ того, что учинилъ съ нимъ баринъ, жить въ Овражкахъ; поэтому, о. Петръ подалъ къ владыкѣ слезное прошеніе о перемѣщеніи въ другой приходъ. Владыка перемѣстилъ Благодатскаго, а на его мѣсто опредѣлилъ старичка о. Илью, который зналъ, какъ угодить господамъ, и никогда не отказывался отъ возглашенія многолѣтія болярину Григорію Александровичу... Такъ вотъ какія дѣла-то случались въ старые годы! Тошнехонько иной разъ становилось нашему брату—духовному“!

„Много на своемъ вѣку пришлось потерпѣть отъ Губарева и моему родителю—покойнику. Бывало, баринъ такъ мудруетъ надъ нимъ, что посылай только, Господи, терпѣнья! Иной разъ и надъ бѣдностью-то родителя потѣшался да издѣвался. Батюшка, по своей бѣдности, одно полукафтанье нашивалъ по десяти лѣтъ. Какъ ни бережливъ батюшка былъ насчетъ одежки, а все, бывало, къ концу-то десятилѣтія полукафтанье-то такъ изотрется, что родительница, хоть она и мастерица была чинить всякое старье,

начинала отказываться отъ починки: „что хочешь, говоритъ, Митричъ (такъ она завсегда называла тятеньку), дѣлай, а чинить больше не можно, вездѣ худо“. Въ такомъ полукафтаньѣ родитель ходилъ и въ храмъ Божій, и къ барину прославить Христа или съ молебномъ... Ну, бывало, баринъ-то и начнетъ мудровать надъ батюшкой. „Ты къ кому явился: къ барину или къ какому-нибудь простому человѣку“? спрашиваетъ Губаревъ-то.—„Къ барину, къ вашему высокородію“, съ поклономъ, бывало, отвѣтствуетъ родитель.—„И къ барину-то, говоритъ Губаревъ, не простому, а къ подполковнику и разныхъ россейскихъ орденовъ кавалеру... Какъ же ты смѣлъ явиться ко мнѣ въ такомъ балахонѣ (такъ онъ называлъ родительское полукафтанье)? Ежели не сошьешь себѣ новаго кафтана, я тебя дальше скотнаго двора и пущать не буду; я люблю чистоту въ одежѣ и порядокъ“.—„Состоянія не имѣю“, скажетъ, бывало, батюшка.—„Ну, такъ погромче кричи: подай, Господи!“—„И безъ того, ваше высокородіе, велегласно пою и ежедневно притекаю съ молитвою къ Господу, а все, по моимъ великимъ прегрѣшеніямъ, обрѣтаюсь въ крайней бѣдности... Вотъ вы, ваше высокородіе, осмѣливался иногда сказать батюшка: вы не отверзете-ли свою щедрую руку и не пожалуете-ли отъ вашихъ великихъ благъ, бѣдности моей ради, на полукафтаньице-то“?—„Попрошайка, глаза завидущіе, руки загребущія“! укорялъ баринъ, но „щедрой руки не отверзалъ“.

„У барина нашего была мать Марья Гавриловна, а у крестьянъ она больше называлась „Губарихой“. Она не въ примѣръ была богомольнѣе своего сына и въ храмѣ Божьемъ частенько бывала, но къ причту церковному тоже расположенія мало имѣла и скупа была на даянія. А для духовной братіи она—не вмѣни ей этого, Господи, во грѣхъ!—

больно была тяжела. Бывало, ежели Марья Гавриловна пожелаетъ быть у обѣдни, шлетъ наканунѣ къ священнику дворового человѣка сказать, чтобы не начинали службы до ея пріѣзда въ церковь; звонить даже не полагалось, пока барыня не выѣдетъ изъ своей усадьбы. И долго иной разъ приходилось ждать прибытія барыни: мой батюшка, бывало, разъ пять слазитъ на колокольню посмотрѣть, не ѣдетъ-ли барыня (съ колокольни-то видно было и барскій домъ, и какъ барыня выѣзжаетъ въ церковь). А въ церкви сколько уходу было за этой барыней! Батюшка мой, бывало, и коверъ для нея постелетъ около праваго клироса, и кресло поставитъ на случай, ежели барыня устанетъ и пожелаетъ присѣсть во время службы. За всѣ эти хлопоты „Губириха“, при поднесеніи ей просфоры на блюдечкѣ, клала на блюдечко по пятачку для причта“.

„Передъ праздниками барыня требовала церковный причтъ къ себѣ на домъ для служенія всенощной, и жаловала за каждую всенощную по гривеннику (такое ужъ у ней было положенье). Сѣтовали духовные, что барыня такое скудное воздаяніе назначаетъ, однако не осмѣливались доложить ей объ этомъ. Наконецъ, о. Сергій не стерпѣлъ. Одинъ разъ, наканунѣ сельскаго престольнаго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, барыня потребовала церковный причтъ служить всенощную. Духовные ходили въ это время по приходу съ молебнами, но тутъ же оставили это дѣло и неукоснительно явились въ барскій домъ. На всенощномъ бдѣніи, по приказу барыни, прочитали два акаѳиста: одинъ Іисусу Сладчайшему, другой Божіей Матери. По сему случаю всенощная тянулась почти до полуночи. Духовные совсѣмъ выбились изъ силъ,—тѣмъ паче, что весь день, до самой всенощной, шествовали по приходу. По отслуженіи всенощной Марья Гавриловна, по своему обычаю,

жалуетъ гривенникъ. Какъ ни кротокъ и ни смиренъ былъ о. Сергій, но посмотрѣлъ на гривенникъ-то и говоритъ: „осмѣлюсь доложить, милостивая моя государыня Марья Гавриловна, что даяніе сіе несотвѣтственно трудамъ: вѣдь, мы почти до полуночи служили всенощную; мы цѣлый день безъ отдыха съ молебнами ходили, а все-таки ваше повелѣніе исполнили и два акаѳиста прочитали на всенощномъ бдѣніи". Удивляться надо, какъ у тихаго, смирнаго о. Сергія явилось дерзновеніе такъ говорить съ барыней: потому-ли смѣлость на о. Сергія напала, что барина въ ту пору не было дома (барина-то духовные больше боялись, чѣмъ барыни); потому-ли, что у самаго терпѣливаго человѣка бываетъ конецъ терпѣнію. Выслушала барыня слова о. Сергія и разгнѣвалась. „Ты, попишка, учить меня — старуху вздумалъ"! крикнула на него барыня. „Прочь съ моихъ глазъ! Да помни ты жадный попишка, что твоя дерзкая рѣчь даромъ тебѣ не пройдетъ"! Скоро смекнулъ священникъ, что маху далъ, и сказалъ притчу, выходя изъ барскаго дома: „нажилъ я себѣ, на старости лѣтъ, заботушки; безъ жалобы ко владыкѣ дѣло не обойдется, а то и хуже что-нибудь сдѣлаютъ со мной — старикомъ". И точно, мѣсяца черезъ два нашего о. Сергія вытребовали въ Пензу, ко владыкѣ. Тогда у насъ былъ преосвященный Аѳанасій, который угождалъ господамъ. Явился къ нему о. Сергій. „Ты какъ обидѣлъ барыню"? спрашиваетъ владыка. Разсказалъ о. Сергій по чистой совѣсти, какъ дѣло было. „Ну, вины большой, говоритъ владыка, я за тобой не вижу. Но ежели ты не поладилъ съ барыней, тебѣ ужъ не житье будетъ въ Овражкахъ; потому удались отъ зла и сотвори благо", сирѣчь владыка велѣлъ о. Сергію пріискивать другое мѣсто. Воротился о. Сергій въ Овражки такой печальный. Онъ около сорока лѣтъ священствовалъ и все

въ одномъ приходѣ, зналъ въ Овражкахъ каждаго ребенка по имени и отечеству, думалъ тѣмъ и покончить свою жизнь и лечь въ могилу рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, которые служили въ томъ же селѣ. Хоть не сладка ему была жизнь въ Овражкахъ, а все жаль было, на старости лѣтъ, разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, да и приходовъ подходящихъ въ ту пору не было. Подумалъ, подумалъ о. Сергій, да и рѣшился поклониться барынѣ. Въ первый разъ явился съ повинной—не допустила, въ другой разъ пошелъ—смиловалась. Остался о. Сергій въ томъ же приходѣ, но за то послѣ этого и командовала же надъ бѣднымъ священникомъ „Губариха"! Плату же за требы она не токмо не увеличила, но даже умалила и говорила духовнымъ: „за жадность вашу не стоитъ давать вамъ больше"... И, вѣдь, только для духовенства были такъ скупы наши господа, а на обѣды, на пиры, на псовую охоту и на разныя потѣхи они не жалѣли денегъ. Пиры, которые задавалъ нашъ барынъ, славились по всему округу. На нихъ да на псовую охоту Губаревъ и прожилъ большую часть своего состоянія".

„Съ самаго поступленія на должность родитель мой увидѣлъ, что доходами отъ прихода не прокормить ему своей семьи, и принялся за хозяйство да работу. Ужъ и лютъ былъ онъ—покойникъ работать! Можно сказать работалъ, не щадя живота своего: бывало, раньше всѣхъ крестьянъ выѣдетъ въ поле и позднѣе всѣхъ вернется оттуда. И толкъ онъ зналъ въ хозяйствѣ: у него, бывало, зерно не осыпется въ полѣ, а завсегда онъ во время сожнетъ, во время посѣетъ".

„Хоть и своей работы у батюшки было вволюшку, но онъ не отказывался помогать въ работахъ и своимъ односельцамъ: позоветъ-ли какой-нибудь мужичекъ моего роди-

теля помолотить, строить овинъ (насчетъ этого батюшка былъ мастеръ: никто, бывало, такъ не устроитъ овина, какъ онъ)—и родитель идетъ безотказно. И крестьяне любили звать батюшку на помощь. Они говорили: „Митричъ супротивъ троихъ сработаетъ“. Горько было иной разъ родителю работать на прихожанъ. Бывало, нѣтъ-нѣтъ да и молвитъ онъ—покойникъ: „эхъ, духовный чинъ, духовный чинъ, до чего ты дошелъ! Мы, духовные, ужъ и къ крестьянамъ-то барскимъ попали въ крестьяне“! А отказаться помочь прихожанину было нельзя. Родитель разсуждалъ такъ: „у кого въ крайней нуждѣ искать помощи?—Не у кого, кромѣ прихожанъ; значитъ, и надо ихъ ублаготворять и угождать имъ“.

„У родительницы моей Аграфены Кондратьевны—сподоби ее, Господи, царства небеснаго!—тоже были работящія руки: все село, бывало, покоится сномъ, а моя матушка все еще сидитъ и, при свѣтѣ лучины, либо прядетъ, либо вяжетъ, либо штопаетъ какое-нибудь старье. Днемъ-то малые ребятишки не даютъ работать, такъ она ночной работой хотѣла наверстать. И когда только спала она—Богъ вѣсть“!

„Хоть батюшка мой и матушка томили себя на работѣ, а бѣдность и нужду не могли одолѣть. Семья-то, говорю, у насъ была большая, ѣдоковъ-то много, а настоящихъ работниковъ всего было двое: родитель да родительница. Вотъ дѣло на поправку-то и не шло. Еще разныя напасти приключались: то неурожай, то коровка падетъ, то лошадка... Ужъ и тужилъ батюшка объ одной лошадкѣ, которая у него пала! Никогда прежде я не видалъ, чтобы родитель мой плакалъ,—твердаго онъ былъ характера,—а тутъ расплакался, что твой малый ребенокъ. Упалъ онъ около трупа-то лошади и причитаетъ: „оставила ты, кормилица моя, меня съ малыми ребятишками безъ хлѣбушка! Погубилъ я

тебя тяжелой работой да плохимъ кормомъ" (годъ-то тогда былъ неурожайный, и скотинка больно страдала отъ безкормицы). Глядя на родителя, и мы, ребятишки, вдоволь наплакались по нашей лошадушкѣ. При такихъ напастяхъ, родителю и совсѣмъ нельзя было отбиться отъ нужды. Вездѣ, куда ни погляди, видна была его бѣдность. Избенка у батюшки была ветхая, низенькая да тѣсненькая, построенная еще моимъ дѣдомъ; дворъ огороженъ былъ плетнемъ; надворнаго строенія было мало. Съ первыхъ еще дней своей службы замышлялъ батюшка поставить себѣ новую, просторную избу, да такъ и скончалъ свою жизнь въ старой, лишь поправочки кой-какія въ ней дѣлалъ. Одежку мы всѣ, кромѣ батюшки, который иногда одѣвался въ полукафтанье, носили крестьянскую: тотъ же зипунъ, тѣ же посконные рубахи и сарафаны, тѣ же лапотки. Сапоги во всемъ домѣ были одни—у родителя, да и тѣ не самимъ имъ были сшиты, а достались ему отъ моего дѣда, по кончинѣ его. Я въ первый разъ увидалъ на своихъ ногахъ сапоги передъ тѣмъ, какъ меня собрались везти въ училище; а матушка и сестры мои совсѣмъ не выходили изъ лаптей. Въ неурожайные годы мы скудость большую терпѣли и въ насущномъ хлѣбѣ. Въ такіе годы намъ частенько приходилось пробавляться хлѣбцемъ съ лебедой или мякиной, да какими-нибудь щами съ черной капустой. Нальетъ, бывало, матушка чашку этихъ щей, поставитъ на столъ, да и молвитъ такимъ грустнымъ, печальнымъ голосомъ: „окромя щей, нечего, дѣтки, ѣсть. Больше ихъ ѣшьте; отъ нихъ скоро большія выростете". Поѣдимъ, поѣдимъ щей—нѣтъ, не вкусно, и заголосимъ мы, ребятишки-то, въ нѣсколько голосовъ: „кашки хотимъ".—„Нѣтъ, родимые, ни крупинки нѣтъ, все извели", скажетъ матушка, а мы все свое поемъ, все каши просимъ. „Походи, Митричъ, по

мужикамъ-то, скажетъ, бывало, матушка:—не дастъ-ли кто тебѣ крупки взаймы, а не то—горошку. Больно дѣтокъ-то жаль: голодаютъ бѣдныя"! Видимъ, что и батюшкѣ насъ жалко. Ну, возьметъ онъ мѣшокъ и пойдетъ по дворамъ-то крестьянскимъ. Глядимъ—идетъ нашъ батюшка къ вечеру домой такой веселый и несетъ на своихъ широкихъ богатырскихъ плечахъ мѣшокъ съ крупой или горохомъ. Увидимъ мы батюшку съ такой ношей—и возликуемъ. Родитель, бывало, при семъ случаѣ и похвалится: значитъ-де, прихожане ко мнѣ благорасположеніе чувствуютъ, ежели такъ выручаютъ изъ нужды".

„Но не завсегда такъ было. Иной разъ батюшка шествуетъ, шествуетъ по дрорамъ-то и придетъ съ пустыми руками. Придетъ онъ, бывало, такой сердитый, съ нахмуренными бровями, мрачнѣе темной ночи и молча отдаетъ матушкѣ пустой мѣшокъ. Увидимъ мы, что родитель ничего не добился, и повѣсимъ носы-то".

„Терпѣливъ и выносливъ былъ батюшка, а все-таки по временамъ больно жаловался на свою тяжелую жизнь да на горькую долю. Бывало, говоритъ онъ: „работаю я, не покладаючи рукъ, а все обрѣтаюсь въ нуждѣ да бѣдности, все мои ребятишки голодаютъ. Когда же Ты, Господи, отверзешь щедрую руку Твою для меня, грѣшнаго раба Твоего".

„Не сѣтовалъ родитель на то, что крестьяне скудно платили причту. Про крестьянъ батюшка говорилъ: „гдѣ имъ взять? Они такіе же голяки, какъ и я, грѣшный". Но на барина онъ частенько-таки жаловался. „Онъ, говорилъ родитель про барина, двѣ сотни псовъ кормитъ; а не видитъ и знать не хочетъ, что человѣкъ погибаетъ отъ голода. Любитъ онъ поношенія да обиды чинить нашему духовному званію, любитъ требовать отъ насъ угожденія и

покорности; а выручить нашего брата изъ нужды, видно, не его дѣло"...

Когда батюшку больно сокрушала нужда-то, онъ не прочь былъ и на насъ, ребятишкахъ, сорвать горе. Расшумимся-ли мы, сшалимъ-ли чего—онъ покажетъ намъ свой пудовый кулакъ и крикнетъ: „сокрушу"! Ну, мы, бывало, и притихнемъ, и попрячемся, точно насъ нѣтъ: ужъ больно мы боялись батюшки-то, когда онъ былъ въ гнѣвѣ. А иной разъ родитель и укорялъ насъ. „Ну, кто, говорилъ онъ-покойникъ, для вашихъ утробъ напасется хлѣба? Хоть замучай себя работой, а васъ все не накормишь". Ужъ больно ему, бѣдному, тошно было съ нами"!

„Родитель напускалъ таки на насъ страху, но матушка была у насъ ангельской кротости и доброты. Со всѣми она была привѣтлива; всѣхъ, не токмо своихъ, но и чужихъ людей, жалѣла, всякому любила доброе слово сказать. А въ дѣтяхъ своихъ она и души не чаяла и больно ласкова была съ нами, ребятишками. Батюшка называлъ насъ, ребятишекъ-то, Семкой, Машкой, Дашкой", а матушка завсегда, бывало, скажетъ: „Семушка, Дашенька", да еще прибавитъ какое-нибудь ласковое слово, примѣрно „голубчикъ, голубушка, касатикъ, касаточка". Любила она-покойница насъ, ребятишекъ, приголубить. Бывало, соберетъ она насъ всѣхъ, посадитъ—кого на колѣни, кого около себя, начнетъ насъ ласкать да приговаривать: „милыя вы мои дѣтушки, ненаглядныя мои, соколы мои ясные"... И гдѣ только брала она такихъ ласковыхъ словъ! Видя такія ласки, мы, бывало, и льнемъ къ матушкѣ; иной разъ намъ, бывало, такъ и хочется посидѣть съ ней да послушать ея ласковыхъ, привѣтливыхъ рѣчей".

„Хоть росли мы при нуждѣ да при бѣдности, хоть и

голодненько намъ было иной разъ; все-таки мы, пока жили въ родительскомъ домѣ, подъ крылышкомъ матушки, всѣ были здоровехоньки и цѣлехоньки. Мало чего мы видали, кромѣ чернаго хлѣба; а были такіе свѣженькіе, что матушка, глядя на насъ, только радовалась да сравнивала насъ—кого съ розанчикомъ, кого съ маковымъ цвѣтикомъ".

М. Сацердотовъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана *).

II.

„Родитель мой пребывалъ и въ нищетѣ, и въ уничиженіи, а все-таки онъ свое званіе духовное любилъ. Кажись, ни одно сословіе не ставилъ онъ выше духовнаго. Господамъ батюшка мой всякое угожденіе оказывалъ, за пять саженъ передъ ними снималъ шапку, а, вѣдь, въ душѣ-то въ грошъ не ставилъ ихъ и заочно-то называлъ завсегда „собашниками“. Не долюбливалъ батюшка и приказныхъ. Для этихъ людей у него было два названія: „прохвостъ и крапивное сѣмя“. Но о своемъ званіи родитель мнилъ такъ: „наше званіе высокое. Хоть мы, духовные, и въ уничиженіи обрѣтаемся, хоть и помыкаютъ нами богатые и знатные люди, все-же мы ближе прочихъ стоимъ къ престолу Царя

*) Продолженіе. См. № 21.

небеснаго". Родитель похвалялся тѣмъ, что у него дѣдъ, прадѣдъ и прочіе предки были духовными. „Хоть, говорилъ батюшка про своихъ предковъ, высокихъ-то степеней они не достигали и были, какъ я-же, многогрѣшный, причетниками, кромѣ покойника-прадѣдушки, который въ діаконскомъ санѣ состоялъ; но измѣнщиковъ своему званію въ моемъ роду не находилось". По расположенію къ духовному званію, батюшка желалъ, чтобы сыновья его пошли по стопамъ родительскимъ и были тоже духовными. Конечно, родителю моему извѣстно было, что не уча не токмо въ попы, но въ понамари не ставятъ. Поэтому, батюшка почиталъ своимъ родительскимъ долгомъ насъ, сыновей, учить".

„Самъ батюшка никогда ни въ какомъ училищѣ не былъ, а обучался дома у своего отца и моего дѣда.—Были въ то время родители, у которыхъ дѣтямъ и перенять было нечего; даже между священниками попадались совсѣмъ малограмотные. На моей памяти неподалеку отъ Овражекъ, въ селѣ Татаровкѣ, священствовалъ о. Игнатій, по прозвищу „Борода". Онъ совсѣмъ былъ малограмотный и круглый годъ повторялъ одно затверженное на память евангеліе. И на утрени, и на литургіи молящимся приходилось слышать отъ Игнатія все одни слова: Симоне Іонинъ, любиши-ли мя?... Прозвище свое получилъ о. Игнатій за то, что у него была черная, окладистая борода, длиною ниже пояса. Про Игнатія шла молва, что чрезъ эту самую бороду онъ и священническій санъ себѣ добылъ. До священства-то Игнатій былъ діакономъ въ маленькомъ, бѣдномъ приходѣ, и явился къ владыкѣ Аѳанасію просить о перемѣщеніи въ другой приходъ, на діаконскую-же должность. А владыка Аѳанасій любилъ длинныя бороды. Когда Аѳанасій увидалъ бороду Игнатія, даже руками развелъ и въ удивленіе пришелъ. „Вотъ это—борода! вотъ такъ борода"!

удивлялся владыка. „О чемъ-же ты, длиннобородый, просишь“? спрашиваетъ потомъ владыка. „Прошу о перемѣщеніи на діаконское мѣсто въ другой приходъ“, отвѣтствуетъ Игнатій. „Съ такой бородой да діаконскаго мѣста проситъ“! Погладилъ владыка Игнатія по мягкой, длинной бородѣ и велѣлъ готовиться къ рукоположенію во священника. Конечно, Игнатію это—находка. Рукоположилъ владыка длиннобородаго Игнатія и увидалъ, что новый священникъ только и взялъ бородой, а ни читать, ни пѣть не можетъ. Примѣтилъ Аѳанасій свою ошибку и сказалъ: „великій грѣхъ я принялъ на свою душу. Вѣдь, ставленникъ-то ниже скоты пасти можетъ, а я его поставилъ пасти людей“. Однако, Игнатій больше двадцати лѣтъ благополучно священствовалъ, да такъ и скончался на должности.—Но дѣдъ мой, хоть онъ всю жизнь, по своей бѣдности, оставался причетникомъ (бѣднымъ-то людямъ въ то время трудно было подняться выше) *), не похожъ былъ на Игнатія: что подобаетъ вѣдать причетнику, онъ зналъ хорошо, и объ образованіи моего батюшки радѣлъ. Не въ похвальбу сказать, мой родитель вышелъ и чтецъ, и пѣвецъ исправный. На моей памяти осталось, какъ у батюшки вышелъ изъ-за пѣнія споръ съ Овраженскимъ дьякономъ о. Гера-

*) При нѣкоторыхъ пензенскихъ владыкахъ существовалъ довольно значительный и непосильный для многихъ такъ называемый ставленническій сборъ. Напр., при преосвященномъ Аѳанасіи положено было взимать—со священника, при выдачѣ ставленной грамоты, шесть рублей на архіерея, десять на пѣвчихъ и десять на крестовыхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и прочую архіерейскую свиту; съ діакона наполовину меньше. Иногда допускались и значительныя отступленія отъ установленной таксы: нѣкоторымъ лицамъ рукоположеніе во священника становилось до трехъ сотъ рублей (см. „Христ. Чт.“ за ноябрь—декабрь 1885 г., стр. 599).

симомъ (этотъ Герасимъ поступалъ къ намъ, въ Овражкито, на мѣсто Ильи). Пришелъ какъ-то Герасимъ къ батюшкѣ (духовные-то ходили другъ къ другу побесѣдовать) и завелъ рѣчь о пѣніи. „На что я, сказалъ дьяконъ, мастеръ въ пѣніи,—я, вѣдь, за пѣніе-то и діаконскимъ саномъ награжденъ,—а на „Маріиныхъ слезахъ“ (въ Октоихѣ есть такая стихира) натыкалъ себѣ носъ. И всякъ, полагаю, наткнетъ“. А родитель мой на это и говоритъ: „а я не наткну, ибо батюшка-покойникъ изъ-за „Маріинныхъ слезъ“ мнѣ всю спину вожжами исполосовалъ“. Дьяконъ стоялъ на своемъ. Тогда батюшка взялъ изъ божницы октоихъ и сказалъ дьякону: „слушай“! Мой родитель поетъ, а дьяконъ глядитъ въ книгу и примѣчаетъ, не собьется-ли гдѣ батюшка. Все пропѣлъ родитель. Дьяконъ послѣ того и говоритъ: „ну, Митричъ, видно, не даромъ пропали попеченія твоего родителя о тебѣ! Теперь я вѣрю, что не всякъ натыкаетъ себѣ носъ на „Маріиныхъ слезахъ“! Имѣлъ также хорошія познанія мой батюшка и въ церковномъ уставѣ. При сумнительномъ какомъ-нибудь случаѣ, и самъ о. Сергій спрашивалъ батюшку, какъ править службу. „Вѣдь, ты, Митричъ, у насъ уставщикъ, и Марковы-то главы, полагаю, всѣ съѣлъ“! говорилъ священникъ. Ежели въ чемъ слабъ былъ родитель, такъ это въ письмѣ: писалъ онъ полууставомъ, выводилъ каждую букву съ трудомъ. Ежели бы не приходилось батюшкѣ рукоприкладство дѣлать въ церковныхъ книгахъ; то онъ, кажись, и совсѣмъ разучился бы писать“.

„Какое образованіе получилъ самъ батюшка, такое-же хотѣлъ онъ предоставить и намъ, своимъ сыновьямъ; какъ онъ учился у своего отца, такъ и насъ хотѣлъ обучить самъ. Изъ двоихъ сыновей моего родителя (прочіе-то дѣти у него были женска пола) я былъ первенцемъ, а потому и прежде брата попалъ къ батюшкѣ въ науку“.

„Однажды (мнѣ было тогда около восьми лѣтъ) мой родитель пріѣхалъ изъ базарнаго села Лѣснаго, подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „вотъ тебѣ, Семка, гостинецъ! Да береги его пуще глаза“! При этомъ онъ далъ мнѣ книжку въ синенькой обложкѣ. Послѣ я узналъ, что это былъ букварь“.

„Обрадовался я родительскому „гостинцу“. Все въ книжкѣ прельщало меня: и синенькая обложка, и картинка, которая была въ книжкѣ, и ровныя строки, и фигурныя буквы. Весь первый день не выпускалъ я книжки изъ рукъ. Когда сталъ ложиться спать, книжку свою я положилъ подъ голову; потому что имѣлъ опасеніе, какъ бы не похитили ее у меня. Особливо я побаивался маленькой сестренки Дуняши, которая имѣла привычку посягать на мое добро и присвоивать его себѣ. Въ моемъ обращеніи съ книжкой родитель узрѣлъ добрую примѣту и сказалъ матушкѣ: „надо полагать, нашъ Семка въ ученіи будетъ благоуспѣшенъ“.— „Вразуми его, Господи“! отвѣтила матушка и сотворила крестное знаменіе“.

„Книжка подарена была мнѣ въ лѣтнее время. Въ это время у каждаго сельскаго хозяина, какъ говорится въ пословицѣ, „хлопотъ полонъ ротъ“, а потому родитель не могъ вскорѣ-то приняться за мое обученіе. Но вотъ прошло лѣто, наступила осень. По вечерамъ въ нашей убогой хижинѣ стали зажигать лучину. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ мой батюшка сказалъ мнѣ: „бери-ка, Семка, книжку да иди сюда, поближе къ свѣтцу“! Подошелъ я съ книжкой. „Крестись, сказалъ родитель, цѣлуй книжку да говори: Господи, благослови“! Перекрестился и книжку поцѣловалъ. Послѣ того родитель началъ водить пальцемъ по книжкѣ и говорить, какъ какая буква нарицается, а я повторялъ за батюшкой“.

„Съ охотой принялся я за науку и скоро затвердилъ буквы. Батюшка даже похвалилъ меня: „молодецъ, Семка! Ежели бы такъ дѣло пошло, мнѣ и розгу не надо бы было припасать. Завсегда такъ учись: спина твоя цѣлѣй будетъ"!

„Но не пришлось мнѣ спину сохранить въ цѣлости. Когда дѣло дошло до складовъ, случилась у меня остановка: всѣ эти „брю, врю, жрю" показались мнѣ бездною премудрости. Охота къ ученью у меня стала пропадать, не милъ мнѣ сталъ мой букварь; я и надежду потерялъ, что когда-нибудь выучусь. „Господи, есть-же такіе умные люди, которые выучиваются читать"! помышлялъ я. Увидалъ родитель, что я начинаю учиться лѣностно, и припасъ розгу. Съ тѣхъ поръ пошло дѣло такъ: я берусь за книжку, а батюшка — за розгу. Бывало, нарочно онъ-покойникъ страха ради положитъ розгу подъ носомъ у меня: смотри-де, что для тебя пріуготовано. Иной разъ, бывало, батюшка только пострашаетъ меня; а въ другой,—особливо когда онъ былъ сердитъ, тяжеленько было моей бѣдной спинѣ! Тутъ ужъ мнѣ видно стало, какъ не сладокъ „гостинецъ батюшкинъ".

„Когда родитель „выгонялъ лѣнь" изъ меня розгой, матушка больно меня жалѣла и пробовала за меня заступаться. „Что ты, Митричъ, мучишь ребенка-то? какъ тебѣ не жаль его"? говорила она. „Чай, не худу его учу, а добру, и хочу въ люди его вывести"! отвѣтствовалъ батюшка. „Ты учи добромъ да лаской, а не побоями".—„Не мѣшайся не въ свое дѣло! Это дѣло не твоего бабьяго разума! Ну гдѣ ты, глупая баба, слыхала аль видала, чтобы учили ребятъ безъ розги? Искони розга при ученіи полагается". Сама матушка въ ученьѣ не была, и не могла въ семъ дѣлѣ спорить съ родителемъ. Хоть и жаль ей было меня, и хотѣлось бы ей освободить меня отъ наказанія, но приходилось отступиться. Бывало, ужъ только проситъ: „полегче, Митричъ"! Но родитель не внималъ".

„Долго бился я надъ складами, но наконецъ одолѣлъ ихъ, а чрезъ годъ прошелъ и весь букварь. Послѣ букваря батюшка посадилъ меня за часословъ, а послѣ часослова— за псалтирь и началъ обучать церковному пѣнію".

„Когда я дошелъ до псалтири, батюшка сдѣлалъ меня своимъ псаломщикомъ. Недосужно иногда было батюшкѣ; были у него дѣла по хозяйству. Бывало, батюшка и скажетъ мнѣ: „иди-ка, Семка, въ церковь да читай часы, пока я снопы-то складываю"! Ну, и идешь, и читаешь. Родитель посылалъ также меня читать псалтирь по усопшихъ. При этомъ батюшка, бывало, и похвалитъ меня прихожанину: „Семка, скажетъ, у меня—ловкій чтецъ; любому понамарю въ семъ дѣлѣ можетъ противостоять".

„Не сразу привыкъ я къ чтенію псалтири надъ покойниками, и въ первый-то разъ совсѣмъ сконфузилъ себя. Дѣло было такъ. Привелъ меня родитель въ крестьянскую избу, въ которой обрѣтался покойникъ, поставилъ меня съ псалтирью въ переднемъ углу, ткнулъ пальцемъ по книгѣ и сказалъ: „читай"! Самъ-же родитель, за недосугомъ, удалился во-свояси. Въ первый разъ мнѣ приходилось быть такъ близко къ покойнику! Какъ только ушелъ родитель, мнѣ стали приходить на память разныя розсказни про покойниковъ. Въ то время разсказывали у насъ, по селу-то, про колдуна, который, по смерти своей, выходилъ изъ могилы и порчу наводилъ на людей, пока одинъ догадливый человѣкъ не присовѣтывалъ мужикамъ вырыть колдуна-покойника изъ земли и вбить ему въ спину осиновый колъ. Слыхалъ я много и другихъ страшныхъ розсказней насчетъ покойниковъ. Пришли мнѣ на память эти розсказни—и „страхъ и трепетъ пріиде на мя". Читаю я, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и погляжу, не шевелится-ли усопшій рабъ Божій. Оглянулся я какъ-то—и почудилосе мнѣ, что холстъ, подъ

коимъ лежалъ покойникъ, заколыхался (можетъ быть, это и на самомъ дѣлѣ было, потому что въ отверстья двери и окна дулъ вѣтерокъ). Обуреваемый страхомъ, я бросилъ книгу и опрометью выбѣжалъ изъ избы. Домой прибѣжалъ я въ слезахъ. „Что ты, Семка, не читалъ“? спрашиваетъ родитель. „Покойника боюсь: онъ встаетъ“, отвѣтствую я. Полагалъ я, что родитель за ослушаніе-то сотворитъ мнѣ заушеніе (онъ-покойникъ больно не любилъ своевольства и ослушанія); но онъ только покачалъ головой и сказалъ: „эхъ, дуракъ набитый! Выдумалъ ты бояться покойниковъ, самыхъ смирныхъ людей! Покойникъ-то потому такъ и нарицается, что онъ успокоился, сирѣчь уснулъ навѣчно“... Хоть и убѣдительно говорилъ батюшка, а все еще мнѣ было страшно. Вернулся я къ тому-же покойнику, но ужъ вмѣстѣ съ родителемъ. На этотъ разъ читали мы попеременно: батюшка прочитаетъ два-три псалма и я столько-же“.

„Много страху натерпѣлся я на первый разъ, при чтеніи псалтири, но за то и не оставленъ былъ безъ поощренія: батюшка далъ мнѣ „деньгу съ конемъ“ (такъ назвалъ я монету съ изображеніемъ Георгія-Побѣдоносца). Монеты, даже и мелкія, въ нашемъ домѣ были большою рѣдкостью. Ежели онѣ когда и попадали въ руки родителю, то онъ хранилъ ихъ подъ спудомъ: завязывалъ въ узелокъ, потомъ завертывалъ въ холстъ, клалъ на самое дно укладки и запиралъ. Изъ такого обращенія родителя съ деньгами я уразумѣлъ, что я получилъ немаловажную награду. Съ своей „деньгой“ носился я, какъ курица съ яйцомъ: я высвѣтлилъ монету о землю, упросилъ матушку сшить мѣшечекъ для моей „деньги съ конемъ“, показывалъ „деньгу“ своимъ сверстникамъ, съ упоминаніемъ о томъ, что я заработалъ ее чтеніемъ псалтири. Кажись, въ одинъ день всѣ наши сельскіе мальчуганы узнали, какъ щедро я былъ

награжденъ своимъ родителемъ. Отъ роду не видавъ въ своихъ рукахъ денегъ, я теперь считалъ себя за темнаго богача и все думалъ, какъ мнѣ распорядиться своимъ богатствомъ. Рѣшеніе у меня такое вышло: когда-де я выросту большой, на свою „деньгу“ я поставлю себѣ избу,— такую избу, какъ у Григорія Игнатича, нашего сельскаго богатѣя. У меня была надежда еще заработывать деньги чтеніемъ псалтири. На эти деньги я собирался купить себѣ лошадь съ жеребенкомъ (я имѣлъ охоту къ лошадямъ). Я даже рѣшилъ, какой они должны быть масти: лошадь я положилъ купить сивую, а жеребенка вороного... Однимъ словомъ, „деньга съ конемъ“ совсѣмъ мнѣ вскружила голову“.

„Въ другой разъ я ужъ веселыми стопами пошелъ читать псалтирь. Я полагалъ, что мое усердіе будетъ оцѣнено родителемъ, и что я вложу въ свой мѣшечекъ другую монетку; но родитель только побалывалъ меня одинъ разъ. Батюшка примѣтилъ, что я пріобвыкъ къ дѣлу, и рѣшилъ отмѣнить денежныя награды. Но все-таки труды мои не пропадали даромъ: батюшка завсегда бралъ меня съ собой на поминки. А на поминкахъ я съ голодку-то ѣлъ, не щадя своего чрева. Особливо возлюбилъ я „чревонитательную лапшу“ (такъ называлъ ее мой батюшка) и овсяный кисель съ медовой сытой. Эти яства такъ пришлись мнѣ по вкусу, что я скучалъ по нихъ и иной разъ спрашивалъ батюшку: „когда, тятя, еще на поминки пойдемъ“?—„Распозналъ, видно, каналья, гдѣ раки-то зимуютъ“! говорилъ родитель. Такое мое пристрастіе къ поминовенію и поминальнымъ яствамъ было по нраву батюшкѣ. Онъ говорилъ матушкѣ моей: „надо полагать, Семка пойдетъ по стезѣ родительской; ибо любитъ творить поминовеніе по усопшихъ“.— „Дай-то, Господи“! говорила матушка и, по своему обычаю, творила крестное знаменіе“.

„Чѣмъ ни старше становился я, тѣмъ больше батюшка возлагалъ на меня дѣлъ: заставлялъ меня пѣть въ церкви, кадило возжигать, подсвѣчникъ и аналой подавать, звонить. На двѣнадцатомъ году я ужъ кой-что смыслилъ въ уставѣ церковномъ и могъ иной разъ замѣнить на клиросѣ своего родителя. А въ колокольномъ звонѣ я проявилъ такой талантъ, что батюшка мой, извѣстный звонарь, какъ-то сказалъ мнѣ: „да ты, каналья, лучше меня трезвонишь, когда ты такъ навострился“? Прихожане прозвали меня „понамаренкомъ“, а о. Сергій все шутилъ со мною и говорилъ: „ну, Сема, ты искуссенъ въ чтеніи и пѣніи„ а наипаче въ колокольномъ звонѣ! Мы хотимъ утруждать владыку, чтобы онъ опредѣлилъ тебя въ причетники къ нашему храму“.

„Батюшка полагалъ, что онъ образованіе мое довелъ почти до конца, и говорилъ: „еще немножко понаторѣешь ты, Семка, въ уставѣ церковномъ да въ нотномъ пѣніи— и къ самому владыкѣ можно тебя на экзаменъ представлять“! А иной разъ мнѣ приходилось слышать отъ родителя такія слова: „рости что-ли скорѣе, Семка! Авось, владыка отверзетъ тебѣ двери своего милосердія и опредѣлитъ тебя въ церковники“.

„Но, кромѣ родительской науки, мнѣ, паче чаянія, пришлось еще вкусить другой—училищной“.

(Продолженіе будетъ).

М. Сацердотовъ.

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана [1]).

III.

„Когда родитель обучалъ меня и пріуготовлялъ къ церковнической должности, Пензенскимъ и Саратовскимъ владыкой (владыки-то наши въ то время именовались Пензенскими и Саратовскими [2]) былъ Аѳанасій)[3]. При Аѳанасіи и владыкахъ, которые были раньше его [4]), дѣти духовныхъ лицъ часто пробавлялись однимъ домашнимъ обученіемъ. Бывало, и священническія-то дѣти часто не видали училища, а получали не токмо церковническія, но и священнослужительскія мѣста. Посему мой батюшка и не имѣлъ помышленія отдавать меня въ училище; а обучивши меня дома, рѣшилъ, что „довлѣетъ сего“.

„Но когда я сталъ большимъ мальчуганомъ, въ епархіи нашей архіереи перемѣнились, и порядки пошли другіе. Владыка Аѳанасій уволился на покой. Послѣ Аѳанасія недодго правилъ Пензенской епархіей преосвященный

---

[1]) Продолженіе. См. № 23.

[2]) До 1830 года настоящая Саратовская епархія входила въ составъ Пензенской.

[3]) Преосвященный Аѳанасій управлялъ Пензенской епархіей съ 1811 года по 1819 годъ.

[4]) До Аѳанасія пензенскими епископами были Гаій Такаовъ и Моисей Близнецовъ-Платоновъ: первый управлялъ Пензенской епархіей съ 16 октября 1799 года по 10 января 1808 г.; а второй—съ 23 марта 1808 г. по 28 мая 1811 г.

Иннокентій [1]), а по кончинѣ его поступилъ въ нашу епархію Амвросій I [2]), владыка ученый (онъ, помню я, разсылалъ по церквамъ книжки своего сочиненія) [3]) и къ духовенству строгій. Этотъ владыка, видно, мало полагался на домашнее-то обученіе: онъ началъ по всей епархіи заводить духовныя училища (а до этого владыки ихъ было мало [4]), отъ духовныхъ сталъ строго требовать, чтобы они отдавали сыновей въ науку. Когда пошли такіе порядки, трудно стало дѣтямъ духовныхъ лицъ увертываться отъ поступленія въ училища".

„Въ одинъ лѣтній день (это было на тринадцатомъ году моего житія) церковный сторожъ пришелъ къ моему родителю и сказалъ: „иди, Митричъ, къ попу. Къ нему набольшій попъ (такъ сторожъ называлъ благочиннаго о. Петра Херувимскаго) пріѣхалъ и тебя требуетъ". Батюшка какъ только услыхалъ о „набольшемъ попѣ", пришелъ въ нѣкое смятеніе; потому что онъ завсегда къ начальству трепетъ имѣлъ и часто говаривалъ: „начальство на страхъ

---

[1]) Управленіе преосвященнаго Иннокентія Пензенской епархіей не продолжалось и полугода: 21 іюня 1819 года Иннокентій прибылъ въ Пензу, а 10 октября того-же года скончался.

[2]) Амвросій I (Орнатскій) управлялъ Пензенской епархіей съ 9 ноября 1819 года по 4 сентября 1825 г. Первымъ онъ называется въ отличіе отъ Амвросія Морева, управлявшаго Пензенской епархіей съ 1835 года по 1854 годъ.

[3]) Амвросій I извѣстенъ, какъ составитель „Исторіи Россійской іерархіи", въ шести частяхъ.

[4]) До Амвросія I въ обширнѣйшей Пензенской епархіи было только два духовныхъ училища: одно въ Пензѣ, а другое въ Саратовѣ. При Амвросіи число училищъ возросло до шести, а именно при этомъ владыкѣ открыты были (въ 1822 году) духовныя училища въ слѣдующихъ городахъ: въ Нижнемъ Ломовѣ, Городищѣ, Камышинѣ и Петровскѣ.

намъ и дано“. Причесалъ родитель свои волосы, въ коихъ виднѣлись колосья соломы, разгладилъ свалявшуюся свою браду, одѣлся въ нанковое, не единый ужъ разъ бывшее въ починкѣ у родительницы, но все еще именовавшееся „новымъ“ (у батюшки въ то время было еще подревнѣе и похуже), полукафтанье и пошелъ въ домъ о. Сергія“.

„Спустя довольно времени, мой родитель вернулся домой не въ духѣ, съ нахмуренными бровями, съ сердитымъ видомъ. „Зачѣмъ тебя, Митричъ, благочинный-то требовалъ“? спросила было матушка, но родитель и отвѣта не далъ, лишь махнулъ рукой. Раздѣлся батюшка и, не сказавши ни единаго слова, ушелъ на гумно. Встревожилась моя матушка. „Охъ, что-то неладно“! сказала она по уходѣ батюшки. „Ужъ не отрѣшили-ли Митрича-то (родительница слыхала, что духовныхъ отрѣшаютъ отъ должности, и завсегда этого боялась. Какъ только, бывало, пріѣдетъ въ Овражки благочинный, матушкѣ ни съ того, ни съ сего и приходятъ мысли объ отрѣшеніи)? Видно, отрѣшили: что-то онъ, голубчикъ, невеселъ пришелъ!... Спаси, Господи, и помилуй“!

„Къ вечеру батюшка смотрѣлъ повеселѣе. Матушка опять стала его спрашивать: „что-же ты, Митричъ, не скажешь, зачѣмъ благочинный-то тебя требовалъ“?—„Изъ-за Семки“, отвѣтствовалъ на этотъ разъ родитель. „Зачѣмъ-же нашъ Семушка благочинному-то понадобился“?—„Велѣно везти его въ училище. Отъ самого владыки пущенъ такой указъ, чтобы сыновей отдавать въ науку; въ слышаніи и неукоснительномъ исполненіи сего указа благочинный и руку отъ меня отобралъ“, повѣдалъ батюшка. Матушку это извѣстіе растревожило, пожалуй, не меньше отрѣшенія. „Я“, сказала она, „такъ и чаяла бѣды!... Да ты бы, Митричъ, доложилъ, что Семушка и такъ у насъ всему обученъ: и читаетъ,

молъ, и поетъ".—„Съ твое-то смыслятъ! Докладывалъ о семъ, да не больно вѣрятъ нынѣ ученью-то нашему: подавай, говорятъ, сына въ училище! А съ какимъ рожномъ —прости, Господи, мое согрѣшеніе!—сына-то повезешь? Намедни на послѣднія лепты соли купилъ". Батюшка повѣсилъ голову, а у матушки, которой жаль было разставаться со мной, слезы показались на глазахъ. „Подумай-ка, Митричъ, нельзя-ли какъ Семушку ослобонить отъ училища-то. Куда такого ребенка на чужую сторонушку везти"? говорила матушка. „Полно молоть, неразумная! Можно-ли мнѣ, маленькому человѣку, понамарю, супротивъ такого большого начальства, какъ владыка, идти? За это, при нынѣшнихъ строгостяхъ, и отъ мѣста отрѣшатъ. Видно, продашь себя да повезешь Семку въ это—чтобъ ему пусто было!—училище". Изъ такого разговора моихъ родителей я уразумѣлъ, что ѣхать мнѣ въ училище—дѣло неминучее".

„Съ этого дня матушка, завсегда ласковая ко мнѣ, сдѣлалась еще ласковѣе и съ прочими ребятишками равнять меня не стала: мнѣ, бывало, и кусочекъ получше подкладываетъ, и обновки шьетъ. Памятно мнѣ до сего дня, что она сшила мнѣ предъ поступленіемъ моимъ въ училище синій крашенинный халатъ и два нагрудника—будничный и праздничный—изъ стараго родительскаго полукафтанья (родительница хотѣла изъ него сшить что-то другое, но, по ветхости полукафтанья, больше нагрудниковъ-то ничего не вышло). Но матушкины обновки никакъ не могли сравняться съ обновкою, которую я получилъ отъ батюшки".

„Однажды родитель пришелъ откуда-то домой съ сіяющимъ ликомъ. Подъ мышкой у него была какая-то вещь, съ тщаніемъ завернутая въ тряпку. „Семка, иди-ка сюда"! подозвалъ меня батюшка. Я подошелъ. „Зри, каналья,

какое родитель о тебѣ попеченіе имѣетъ“! При сихъ словахъ батюшка развернулъ тряпку и показалъ мнѣ сапоги“.

„Въ нынѣшнее время сапоги для причетниковъ и ихъ дѣтей—вещь совсѣмъ обыкновенная, а въ старину было не то: церковники шили сапоги изъ самой твердой кожи, дабы однихъ сапогъ хватило на цѣлую жизнь; частое ношеніе сапогъ почиталось у церковниковъ неподобающимъ духовному званію роскошествомъ; сапоги соблюдались, какъ нѣкая драгоцѣнность. Дьячекъ села Овражекъ Пафнутичъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ стоялъ въ храмѣ въ сапогахъ, но изъ дома своего до храма онъ ходилъ въ лаптяхъ, сапоги-же несъ подъ мышкой и надѣвалъ ихъ лишь по вступленіи на паперть церковную. Послѣ богослуженія Пафнутичъ паки перебувался на паперти церковной: онъ надѣвалъ опять лапти, а сапоги подъ мышкой несъ домой. Мой батюшка хоть и не дѣлалъ этого, но за то надѣвалъ сапоги токмо въ самые великіе праздники, когда, по уставу церковному, полагалось торжествованіе. Мнѣ, понамарскому сыну, не видавшему никогда на своихъ ногахъ другой обуви, кромѣ лаптей, сапоги и подавно казались немаловажною вещью“.

„Когда батюшка развернулъ сапоги, всѣ семейные принялись разсматривать ихъ. Матушка пожелала узнать, откуда родитель добылъ ихъ. „У кума Трифона Кузьмича (это былъ одинъ дворовый человѣкъ) купилъ: но-пріятельски онъ отдалъ мнѣ эти сапоги за двугривенный, съ подожданіемъ“, повѣдалъ батюшка. Давши всѣмъ насмотрѣться на сапоги, родитель, наконецъ, вручилъ мнѣ ихъ и при семъ сказалъ: „на, каналья, владѣй!... Береги ихъ да не забудь перекреститься, когда въ первый разъ надѣвать-то ихъ будешь, дабы Богъ помогъ подольше поносить“. Отданные мнѣ во владѣніе сапоги были тверды, какъ желѣзо,

тяжеловѣсны и пространны; ношены они были, надо полагать, не одинъ десятокъ лѣтъ и въ починкѣ были не единый разъ. Не взирая на это, я ликовалъ. Въ тотъ-же день я извелъ на свои сапоги чуть не цѣлый логунъ дегтю и за переведеніе его получилъ отъ батюшки чувствительную затрещину".

„Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія „набольшимъ попомъ" Овражекъ родитель собрался везти меня въ училище. Много слезъ пролила моя родительница въ день моего отъѣзда! Она, кажись, ничуть не меньше плакала, чѣмъ матери, у которыхъ брали сыновей на царскую службу. „Ненаглядный ты мой, соколикъ ты мой ясный! Ѣдешь ты на чужу сторонушку. Кто тамъ тебя приласкаетъ? кто приголубитъ"?... причитала она. Глядючи на нее, я тоже заливался слезами, плакали мои сестры и меньшій братъ, поплакали и сосѣди..

„Самое ближнее къ Овражкамъ училище было Нижне-ломовское. Въ то время оно только-что открылось и находилось въ Казанскомъ монастырѣ, въ верстѣ отъ города. Въ это-то училище и пришлось поступить мнѣ. Поелику я обученъ былъ чтенію и пѣнію, ректоръ (тогда ректоромъ-то былъ Иванъ Матвѣевичъ Пачелмовскій) принялъ меня, помимо перваго класса, во второй классъ приходскаго училища *). При включеніи ректоръ заставилъ меня пропѣть „Достойно есть". По нраву ему пришелся мой альтъ. Вотъ почему и сталъ я прозываться Сладкогласовымъ (а родитель мой никакой фамиліи не имѣлъ, и завсегда при рукоприкладствѣ подписывалъ токмо свое имя и отечество).

*) По уставу 1808 года, духовныя училища, какъ извѣстно, раздѣлялись на уѣздныя и приходскія: низшіе два класса назывались приходскимъ училищемъ, а высшіе два—уѣзднымъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Городищѣ, существовали одни приходскія училища.

Нарекли меня Сладкогласовымъ, записали въ списокъ учениковъ—и съ того дня началась моя не долгая, но тяжелая училищная жизнь".

„Въ мое время Нижнеломовское училище скудно было всѣмъ. Помню я, что ученикамъ не доставало даже ни столовъ, ни скамеекъ. Посему, иные ученики сокрушали монастырскія постройки, натаскивали въ классъ досокъ и кирпичей, и сами устрояли для себя лавочки. По скудоденежью, видно, училищной казны, классы у насъ не отапливались и въ самые лютые морозы [1]). Бывало, сидишь да корчишься отъ хлада (вѣдь, одежка-то у большинства учениковъ была плохенькая и токмо служила для прикровенія наготы тѣлесныя). Заставятъ тебя писать, а у тебя и пальцы-то не сгибаются, и руки-то не дѣйствуютъ. Да и некому было отоплять классы въ мое время; ибо при училищѣ ни единаго служителя не обрѣталось [2]). Метеніе половъ, помню я, возлагалось на учениковъ. Ученикъ, который у насъ именовался „дневальнымъ", долженъ былъ, по тогдашнему положенью, придти въ классъ пораньше и вымести его. Для сего требовалось нести и свою метлу, ибо изъ училищной казны денегъ на метлы не выдавалось".

---

[1]) Незначительная сумма, отпускавшаяся на отопленіе училищнаго зданія и на разные другіе расходы, употреблялась, какъ видно изъ документовъ Нижнеломовскаго уѣздно-приходскаго училища, на ремонтъ ветхаго монастырскаго корпуса, въ которомъ помѣщалось названное училище.

[2]) Изъ документовъ Нижнеломовскаго уѣздно-приходскаго училища видно, что въ 1825 году Семинарское Правленіе обращалось къ Пачелмовскому съ вопросомъ, нѣтъ-ли при названномъ училищѣ служителей изъ инвалидовъ. "Ректоръ" далъ такой отвѣтъ: „при здѣшнихъ училищахъ (уѣздномъ и приходскомъ) не только инвалидовъ, но и никакихъ служителей не имѣется". При этомъ Пачелмовскій просилъ у Правленія раз-

„Трудно было дѣтямъ бѣдныхъ родителей (а такихъ была большая часть) преуспѣвать въ ученіи: слѣдовало ученику идти въ классъ, а у него не оказывалось либо одежки, либо обуви; надо было учить урокъ, а ученикъ книжки не имѣлъ; нужно было писать, а ученика не находилось ни клочка бумаги. Про себя скажу: я и помыслить не могъ о томъ, чтобы купить россійскую грамматику Меморскаго; ибо она стоила цѣлыхъ 60 коп., родитель-же, при включеніи меня въ училище, далъ мнѣ на руки „на всякія потребы“ единый пятакъ, съ строжайшимъ наказомъ не тратить его и пустить въ расходъ токмо въ крайней надобности. Пока я находился въ училищѣ, у меня лишь и были три книги, привезенныя изъ родительскаго дома: часословъ съ объѣденными отъ алчныхъ тараканъ крышками, псалтирь съ оторванными на многихъ страницахъ уголышками и октоихъ. Какой-нибудь карандашикъ для нашего брата-ученика былъ значительною вещью, и мы складывались для покупки его. До сего дня памятно мнѣ, какъ мы, четыре товарища (и пятый напрашивался къ намъ въ долю, да мы отвергли его) на складчину купили себѣ карандашъ. Послѣ покупки мы его измѣрили, размѣтили, какъ намъ раздѣлить его и, наконецъ, разрѣзали на четыре равныя части. Дорожилъ я своею долею карандаша и берегъ, какъ нѣкую цѣнную вещь, но все-таки не сберегъ:

рѣшенія на наемъ служителя. Въ видахъ дешевизны, ректоръ желалъ нанять служителя „изъ церковническихъ дѣтей, не способныхъ къ церковническимъ должностямъ“, и представилъ кандидата на служительскую должность. Кандидатъ нашелся въ самомъ училищѣ, въ лицѣ ученика Трактатова. Въ случаѣ освобожденія „отъ ученической должности“, Трактатовъ за самую умѣренную цѣну принималъ на себя служительскія обязанности; но Семинарское Правленіе отвергло предложеніе Трактатова.

нашелся тать, который позавидовалъ моему карандашику и стянулъ его. Я такъ сокрушался по сему случаю, что даже плакалъ... Хоть иному ученику не на что было купить ни бумаги, ни книжки, а урокъ-то съ него спрашивали. Бывало, уразумѣешь-ли ты заданный урокъ, нѣтъ-ли, все-таки вытверди его на память; а то и верберовъ попробуешь. Нынѣ, говорятъ, розгу-то совсѣмъ отмѣнили; а, вѣдь, въ то время ученье безъ розги и въ ученье не вмѣнялось и баловствомъ однимъ почиталось. Въ то время полагали, что въ розгѣ большая сила: розга-де и уму-разуму научаетъ, и памяти придаетъ, и отъ лѣности спасаетъ, и къ добру ведетъ... Словомъ, насъ больше наказаніемъ да устрашеніемъ побуждали къ ученію".

„Наши скудоденежные родители все стараніе свое прилагали, дабы имъ подешевле обходилось содержаніе сыновей въ училищѣ. По средствамъ своимъ, родители подыскивали намъ и квартиры. Мой батюшка, включивши меня, нашелъ мнѣ квартиру у отставного унтеръ-офицера Кузьмы Власича Прощалыгина (большое, къ слову сказать, сей человѣкъ имѣлъ пристрастіе къ горячимъ напиткамъ и поведенія былъ самаго буйственнаго). Въ небольшой избушкѣ Кузьмы Власича проживало и по восемнадцати, и по двадцати учениковъ, большею частію причетническихъ дѣтей. За квартиру мы платили по гривеннику съ человѣка ежемѣсячно. За таковую плату хозяйка должна была и пищу намъ приготовлять изъ нашихъ припасовъ, и рубашки наши стирать; но воду на стирку и на всякую потребу, помню я, носили мы сами, мы-же поочередно мели избу. По случаю многолюдства, ученики спали и на полатяхъ, и на печи, и на лавкахъ, и на грязномъ полу, подложивши подъ голову какую-нибудь подушку, набитую хлопками, и подославши, что Богъ послалъ. За то и привозили-же мы изъ училища

своимъ родителямъ гостинцевъ! Памятно мнѣ, какъ я явился въ первый разъ на побывку къ родителямъ къ празднику Рождества Христова. Несказанно обрадовалась матушка моему прибытію. Обняла она меня и хотѣла поцѣловать въ голову; но какъ увидала, что было въ волосахъ-то, и воззопила гласомъ веліимъ: „на какое мученье мы дѣтушекъ-то отдаемъ“! Подошелъ и батюшка поглядѣть, что находилось въ моихъ волосахъ. „Экая нечисть развелась! Ну, Семка, заробилъ ты добра“! подивился батюшка. Въ тотъ-же день родительница гладко-нагладко остригла меня и сожгла мои волосы, потомъ меня вымыла, выпарила въ печи (въ Овражкахъ завсегда въ печи парились) и намазала отъ чесотки (мы, ученики, то-и-дѣло страдали этой болѣзнью; даже и большіе-то ученики не избавлялись отъ нея) какою-то черною мазью; а одѣяніе мое, до послѣдней нитки, собрала и положила въ печь „жарить“. Матушка и сапогъ моихъ не оставила въ покоѣ: она вынесла ихъ на дворъ и повѣсила на колышкахъ плетня, гдѣ сапоги и пребывали до самаго наступленія праздника Рождества Христова“...

„Но чесотки, „нечисти“, какая у насъ преизбыточествовала въ волосахъ и одеждѣ, и всѣхъ таковыхъ золъ и напастей мы, ученики, еще не больно устрашались; ибо у насъ былъ болѣе лютый врагъ: это—гладъ. Были родители, кои, по нищетѣ своей, совсѣмъ не въ силахъ были доставлять сыновьямъ пропитанія *); а начальство средствъ не давало: сиротамъ берегло (за сиротами-же въ мое время иной разъ зачислялись праздныя причетническія

*) До какой вопіющей нужды иногда доходили духовные, это, между прочимъ, можно видѣть изъ донесенія причта села Алексѣевки благочинному Покрову,—изъ донесенія, сохранившагося въ архивѣ Тихоновскаго (бывшаго Нижнеломовскаго) училища

и діаконскія мѣста). На одной квартирѣ со мною жилъ ученикъ приходскаго училища Иванъ Соломоновъ, понамарскій сынъ. Онъ иной разъ приходилъ изъ родительскаго дома, послѣ вакацій, съ однимъ только караваемъ хлѣба за спиной [1]). Бывало, подъѣдимъ мы все, чѣмъ, при отправленіи въ училище, наградятъ насъ родители,—и настаетъ на квартирѣ нашей гладъ велій. Дѣло доходило до того, что хоть бери суму и иди по міру [2]). Стыдно сказать, а грѣхъ утаить, что, при такомъ оскудѣніи въ съѣстныхъ припасахъ, иные ученики, особливо великовозрастные (а между ними попадались отчаянныя головы [3]), позабывали и заповѣдь: „не укради“...

Находились между учениками такіе терпѣливые, которые, при всей бѣдности, при всѣхъ великихъ нуждахъ, не бросали ученья и выходили, по окончаніи онаго, въ люди. Но еще больше было учениковъ, кои вскорѣ по поступленіи

(см. дѣла за 1834 г.). Причтъ доносилъ благочинному: „понамарь Филимоновъ находится въ самомъ бѣдномъ состояніи, такъ-что ни насущнаго хлѣба, ни одежды на себѣ и на дѣтяхъ не имѣетъ“.

[1]) Были даже случаи, что отцы посылали сыновей собирать милостыню и съ этою милостынею отправляли послѣднихъ въ училище (см. въ № 8-мъ „Пенз. Епарх. Вѣд.“ за 1884 годъ статью: „Нижнеломовскія духовныя—уѣздное и приходское училища“).

[2]) Изъ училищныхъ документовъ видно, что и были такіе случаи (см. дѣла Нижнеломовскаго уѣздно-приходскаго училища за 1833 и 1834 гг.).

[3]) Это подтверждается и училищными документами. Изъ нихъ, напр., видно, что ученикъ Амановъ за воровство и разныя преступленія въ 1827 году Пензенскою Уголовною Палатою приговоренъ „къ исключенію изъ духовнаго званія и, по тѣлесномъ наказаніи, къ ссылкѣ въ Сибирь“.

въ училище ослабѣвали, падали духомъ, опускали руки и старались поскорѣе распроститься съ училищемъ. Поелику начальство возбраняло ученикамъ исключаться [1]), то многіе ученики самовольно убѣгали изъ училища [2]). Въ мое время часто былъ недочетъ въ ученикахъ: нынѣ придутъ въ классъ 100 учениковъ, а на другой день глядишь—ужъ двухъ-трехъ не стало. Спроситъ, бывало, учитель Андрей Григоричъ: „гдѣ Велелѣповъ"?—„Вчера съ квартиры куда-то ушелъ", отвѣтствуютъ ученики. „Съ тѣхъ поръ и не видали его"?—„Не видали".—„Сіе означаетъ: прощай, мой милой, ужъ больше не увидимся съ тобой"! пошутитъ, бывало, учитель и поставитъ въ спискѣ противъ Велелѣпова крестъ. А подъ симъ крестомъ подразумѣвалось: не зови ученика больше своимъ. Да и какъ было не бѣжать ученикамъ, когда и сами наши родители не жаловали училища и отдавали своихъ сыновей въ ученье токмо страха ради"?

„Не по вкусу пришлось училище и мнѣ, Семену Сладкогласову: училище казалось мнѣ какою-то тюрьмою, жизнь ученическая—тяжелою неволею. Хоть мои родители и жили въ бѣдной хижинѣ, и пищу суровую вкушали, и нужду всякую видали; а, вѣдь, ихъ жизнь-то противъ моей учи-

---

[1]) Въ двадцатыхъ годахъ очень дорожили учащимися, и училищное начальство, безъ разрѣшенія Семинарскаго Правленія, не имѣло права исключить ни одного ученика. А получить разрѣшеніе отъ Правленія на исключеніе того или другого ученика было не легко: по большей части, представленныхъ училищнымъ начальствомъ къ исключенію учениковъ Правленіе „паки обращало къ ученической должности".

[2]) Въ двадцатыхъ годахъ Пачелмовскій очень часто разсылалъ по духовнымъ Правленіямъ отношенія о розыскѣ учениковъ, скрывавшихся изъ училища „безъ всякаго позволенія и вида на сіе отъ училищнаго начальства". Иногда ректору сразу приходилось разыскивать по десяти учениковъ и болѣе.

лищной казалась мнѣ чуть не раемъ. Пока я находился въ училищѣ, мнѣ то-и-дѣло приходили на память Овражки: вспоминалъ я о своемъ батюшкѣ, а еще чаще о моей радѣльницѣ—матушкѣ; припоминались мнѣ мои сестры, меньшій братъ, а также мои сельскіе теварищи, съ которыми я, бывало, катался съ ледяныхъ горъ, хаживалъ въ лѣсъ по ягоды и грибы и на рѣку удить рыбу... Какъ впомнишь, бывало, объ Овражкахъ, такъ и хочется тебѣ изъ училища возвратиться вспять! Пожалуй, я и одного года не проучился бы; но оставался въ училищѣ лишь того ради, что въ первый годъ у меня ученье шло исправно. Въ чтеніи и нотномъ пѣніи, которыя въ приходскомъ училищѣ почитались главными предметами, я даже за поясъ затыкалъ (спасибо батюшкѣ, что онъ обучилъ меня!) многихъ своихъ товарищей".

„Но вотъ, просидѣвши годъ въ приходскомъ училищѣ, поступилъ я въ низшее отдѣленіе уѣзднаго. Тутъ пошли латинскій и греческій языки и другіе новые предметы. Книжекъ, говорю, своихъ у меня не водилось, кромѣ привезенныхъ изъ родительскаго дома. Доставать учебники у другихъ тоже было мудрено: на квартирѣ со мной все жили бѣдные ученики, безкнижные и не больно усердные къ ученью. Начались у меня въ урокахъ опущенія, а за сіе получалъ я наказанія. Дѣло шло съ каждымъ днемъ все хуже и хуже: сначала я получалъ отмѣтки „male, non bene, turpe", а потомъ дѣло дошло и до „turpissime". Число верберовъ тоже умножалось: сначала я получалъ ихъ по пятнадцати и по двадцати, а потомъ дошло и до пятидесяти. Бывало, по цѣлымъ недѣлямъ въ сидѣніи мнѣ было большое затрудненіе... Ну, и не выдержалъ я, наконецъ: утекъ изъ училища".

„Одинъ день (и донынѣ мнѣ памятенъ сей день) ужъ

больно тяжелъ для меня былъ. Въ этотъ день до обѣда были въ низшемъ отдѣленіи уроки по языкамъ: первый урокъ—по латинскому, а второй—по греческому. Пришелъ учитель на первый урокъ, спросилъ меня по грамматикѣ и наказалъ; на другой урокъ я былъ паки наказанъ. На мое несчастіе, и на квартирѣ-то меня поколотилъ одинъ великовозрастный ученикъ (отъ великовозрастныхъ завсегда не мало перепадало ученикамъ, кои были помоложе да помалосильнѣе, и насмѣшекъ, и щипковъ, и заушеній, и колотушекъ). „Плохое", подумалъ я, „мое житье: въ классѣ сѣкутъ, на квартирѣ колотятъ". Помысливши такъ, я рѣшилъ бѣжать безъ оглядки подальше и отъ училища, и отъ учениковъ. Схватилъ я свою шапченку—да и былъ таковъ! Я направилъ стопы свои по дорогѣ, которая вела въ Овражки".

На другой день я былъ ужъ въ Овражкахъ. Только-что родители мои собрались сотворить вечернюю трапезу, я нежданно-негаданно явился предъ ними. Родительница моя въ такое удивленіе пришла при моемъ нежданномъ прибытіи, что выронила чашку со щами, которую держала въ рукахъ, и не вдругъ своимъ очамъ повѣрила. „Да ты-ли это, Семушка! тебя-ли я, голубчикъ мой, вижу"? говорила она. „Какъ это въ неуказное время отпустили тебя изъ училища-то"? спросилъ батюшка. Признался я по чистой совѣсти, что не отпустили меня, а самовольно ушелъ я изъ училища. „Тошно", говорю, „стало мнѣ: колотятъ, сѣкутъ; никто меня не жалѣетъ"... Вспомнилось мнѣ тутъ все, что я перенесъ въ училищѣ, и слезы градомъ посыпались изъ моихъ глазъ. Маменька еще больше плакала. „Несчастный ты мой"! говорила она. „На горе, видно, я породила тебя; не на радость, видно, ты и свѣтъ-то бѣлый увидалъ! Такого-ли тебя отъ меня взяли? Ты у меня былъ, какъ наливное яблочко, а теперь—словно мертвецъ: ни кровинки

въ лицѣ нѣтъ". Когда матушка стала мыть меня, она увидала на моемъ тѣлѣ знаки отъ розги и подозвала батюшку: „подь-ка сюда, Митричъ, да погляди-ка на Семушку-то! Ну, не мученикъ-ли онъ? Какъ не грѣхъ такъ истязать чужихъ дѣтей?... Ну, Митричъ, теперь я всѣмъ буду говорить, что начальство на мученье беретъ отъ насъ дѣтушекъ: и благочинному это скажу, и самому владыкѣ скажу"!—„Оставь, Кондратьевна, свои дерзновенныя и неразумныя рѣчи! Говорятъ тебѣ: розга завсегда при ученіи полагается. Да ученья-то сего я въ толкъ не возьму: мальчишка пріуготовляется къ церковнической должности; требуется ему паче всего псалтирь, а ему, мальчишкѣ, приказываютъ твердить какую-то тамъ латынь. А нашъ братъ-родитель, изъ-за эфтой латыни, вози сына въ училище да разоряйся; хоть самъ-то по міру иди, а сыну доставляй содержаніе... Нечего и говорить, не по карману это нашему брату: вѣдь, я не благочинный, а токмо понамарь"... Родительница и рада была, что батюшка отягощался содержать меня. „Будетъ, Митричъ", сказала она: „довольно поучился нашъ Семушка. Пускай ужъ теперь другіе отдаютъ своихъ дѣтей въ ученье, а нашъ Семушка и такъ чуть живехонекъ отъ ученья-то сталъ". Опасался батюшка, какъ бы не досталось ему изъ-за меня отъ начальства, но все-таки порѣшилъ больше не возить меня въ училище. Мнѣ то и надо было".

„Хоть съ той поры и проживалъ я въ родительскомъ домѣ, но долго еще числился ученикомъ. Два раза училищное начальство требовало меня, чрезъ благочиннаго, въ ученье; но благочинному все родитель докладывалъ, что я въ болѣзни обрѣтаюсь *). Чрезъ годъ послѣ того, какъ

*) Въ двадцатыхъ годахъ многіе ученики проживали въ домахъ родительскихъ подъ предлогомъ болѣзни.

я скрылся изъ училища, ректоръ порѣшилъ исключить меня, „за ненахожденіемъ способностей къ ученію“. Видно, семинарское начальство было въ сумлѣніи насчетъ моихъ способностей и потребовало меня въ Пензу на повѣрку *). Къ повѣркѣ я не явился, а по сей причинѣ опять былъ оставленъ въ училищѣ; все-таки и послѣ того я проживалъ у родителя. Больше двухъ лѣтъ томили меня, а потомъ ужъ исключили“.

„Обрадовался я своему исключенію, обрадовались и родители мои, особливо матушка. Она и сосѣдямъ-то всѣмъ повѣдала объ этой радости и говорила: „слава Тебѣ, Господи! нашего Семушку совсѣмъ поключили изъ училища, и ужъ теперь не станутъ требовать его въ ученье“!

М. Сацердотовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Въ двадцатыхъ годахъ Семинарское Правленіе имѣло обыкновеніе требовать учениковъ училищъ, назначенныхъ къ исключенію за неспособность, „для повѣрки“. Начальникамъ училищъ Правленіе внушало особенную осмотрительность при представленіи учениковъ къ исключенію. Въ предписаніи Правленія Пачелмовскому, отъ 30 іюня 1824 г., за № 267, напр., говорится: „если кто изъ числа назначенныхъ къ исключенію, при провѣркѣ, окажется годнымъ къ продолженію ученія или, по крайней мѣрѣ, желающимъ продолжать ученіе; то таковый будетъ паки обращенъ въ то-же училище на счетъ начальствующаго“.

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана [1]).

IV.

„Пока я числился ученикомъ, родителю моему приходилось отложить попеченіе насчетъ опредѣленія меня къ должности; но когда меня исключили (а въ то время мнѣ доходилъ семнадцатый годъ), мой батюшка сталъ частенько поговаривать: „пора тебѣ, Семка, толкнуться въ двери милосердія владыки да опредѣлиться къ мѣсту; я въ твою пору былъ ужъ понамаремъ".

„Владыкой въ нашей епархіи въ то время былъ Ириней [2]).

---

[1]) Продолженіе. См. № 24.

[2]) Преосвященный Ириней (въ мірѣ Иванъ Гавриловичъ Нестеровичъ) управлялъ Пензенской епархіей съ января 1826 г. по 26 іюля 1830 г., и изъ Пензы перемѣщенъ былъ въ Иркутскую епархію, съ возведеніемъ въ архіепископа. Какъ въ Пензѣ, такъ и въ Иркутскѣ Иринеи боролся противъ вмѣшательства гражданской администраціи въ церковныя дѣла, и заявилъ себя горячимъ защитникомъ церковной независимости. Борьба съ гражданскими властями окончилась не въ пользу Иринея: 28-го іюля 1831 года преосвященный уволенъ былъ отъ управленія Иркутской епархіей и сосланъ въ Спасо-Прилуцкій монастырь, Вологодской епархіи. Впослѣдствіи Иринеи перемѣщенъ былъ въ Толгскій монастырь, Ярославской епархіи, гдѣ и скончался 18 мая 1864 года, на 81-мъ году отъ рожденія.

Разъ пять приходилось мнѣ видать этого владыку. Онъ былъ молодой [1]) и такой видный собою [2]); а характеръ имѣлъ горячій, вспыльчивый. Бывало, разгнѣвается онъ на что-нибудь, надвинетъ свой клобукъ на лобъ до самыхъ глазъ [3]) и сдѣлается такой суровый, что хоть на кого треснетъ наведетъ.—Памятно мнѣ, какъ Ириней былъ у насъ въ Овражкахъ и какъ круто обошелся съ о. Сергіемъ. Осмотрѣвши церковь, Ириней спросилъ о. Сергія: „читаешь-ли и объясняешь-ли ты прихожанамъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди (при владыкѣ Иринеѣ заведено было, чтобы священникъ, по окончаніи обѣдни, для наученія прихожанъ, вычитывалъ молитвы, символъ вѣры и десять заповѣдей)?—„Читаю и объясняю, преосвященнѣйшій владыко“! сказалъ о. Сергій. Иринеи и заставилъ его читать при себѣ. Видно, смутился священникъ предъ лицемъ владыки-то и сталъ читать тихо. „Что ты бормочешь про себя? Читай громче и внятнѣй“! прикрикнулъ владыка на о. Сергія. Послѣ того нашъ о. Сергій и совсѣмъ опѣшилъ, ужъ и на самыхъ извѣстныхъ молитвахъ сталъ сбиваться. И разгнѣвался-же тогда владыка! „Скинь, непотребный, ризы! Ты недостоинъ ихъ“! сказалъ Иринеи. Разоблачился о. Сергій и стоитъ да трясется, какъ осиновый листъ.

---

[1]) Иринеи назначенъ былъ на каѳедру Пензенскую 42 лѣтъ.

[2]) Портретъ Иринея имѣется въ пензенскомъ архіерейскомъ домѣ.

[3]) Эта черта въ Иринеѣ подмѣчена была еще въ то время, когда онъ былъ ректоромъ Кишиневской семинаріи и настоятелемъ Курковскаго Рождественскаго монастыря. По словамъ вдовы учителя Кишиневской семинаріи Дыдицкаго, Пелагеи Васильевны Дыдицкой, какъ, бывало, Иринеи разсердится, „то сейчасъ камилавку сдвинетъ на лобъ, ажъ до носа“ („Историческій Вѣстникъ“ за май 1883 года).

Примѣтилъ, видно, владыка, что священникъ въ страхѣ обрѣтается, и сталъ помягче (у этого владыки гнѣвъ-то скоро проходилъ: бывало, Ириней разбранитъ кого-нибудь, а потомъ, немного погодя, и смягчится, и сдѣлается пообходительнѣе). Отчего-же ты не могъ по-надлежащему прочитать молитвъ"? спросилъ владыка о. Сергія ужъ тихимъ голосомъ.—„Отъ трепета, преосвященнѣйшій владыко"! отвѣтилъ священникъ. Повѣрилъ владыка Ириней о. Сергію и велѣлъ опять облачиться. Не одному священнику на этотъ разъ досталось отъ владыки, а побранилъ онъ и прихожанъ. Спросилъ преосвященный Ириней прихожанъ, учитъ-ли ихъ священникъ, а тѣ и дали такой отвѣтъ: „учитъ родимый, да мало мы понимаемъ: народъ-то мы больно темный".—„Скоты что-ли", сказалъ владыка, „вы несмысленные?... Вѣдь, и раскольники — народъ темный, однакожъ твердо знаютъ они и молитвы, и символъ вѣры, и заповѣди, и слово Божіе разумѣютъ" *). Предъ выходомъ изъ храма владыка отдалъ приказъ прибить на церковной паперти листъ, въ коемъ прописано было, сколько за разныя требы брать съ прихожанъ. И безъ того прихожане щедрости къ духовенству не проявляли, а владыка Ириней ужъ и совсѣмъ назначилъ за требоисправленіе скудное воздаяніе: за крещеніе младенца, помнится мнѣ, полагалось брать 3 коп., за погребеніе взрослаго—10 коп., столько-же, кажись, полагалось и за бракосочетаніе *).

---

*) Распоряженіе преосвященнаго Иринея касательно чтенія въ церкви, по окончаніи богослуженія, молитвъ, символа вѣры и заповѣдей тѣмъ и вызвано было, что раскольники знали все это, а православные въ данномъ случаѣ проявляли полное невѣжество.

*) Неоднократно дѣлались попытки установить таксу за требоисправленіе. Такъ, напр., въ Духовномъ Регламентѣ положена была такса за исправленіе требъ. Въ 1765 году такса была

Но преосвященному Иринею не удалось установить одинаковой платы за требоисправленіе: бѣдные прихожане не давали духовенству и того, что назначалъ владыка; за то состоятельные прихожане платили больше, чѣмъ положено владыкой... Для о. Сергія не прошло даромъ архипастырское посѣщеніе Овражекъ: натерпѣвшись страха отъ владыки, старикъ-священникъ прохворалъ цѣлый мѣсяцъ. По выздоровленіи о. Сергій частенько вспоминалъ про Иринея и говаривалъ: „однако-же суровъ нашъ архипастырь“!—При этомъ-то „суровомъ архипастырѣ“ и пришлось мнѣ опредѣляться къ должности“.

„Не вдругъ попалъ я на должность. Пять слезныхъ прошеній подавалъ я владыкѣ объ опредѣленіи меня въ церковники, но вотще: ни на одномъ прошеніи не было милостивой резолюціи. По сему случаю родитель мой больно сокрушался и говорилъ: „Семкѣ нашему не дается, словно кладъ заколдованный, церковническая должность“. Одинъ разъ батюшка даже въ такое отчаяніе пришелъ, что сказалъ: „видно, ты, Семка, до скончанія живота не дождешься причетническаго мѣста. Чѣмъ вотще ожидать мѣста-то, ходилъ бы ты къ Захарычу-Кривошейкѣ (это былъ барскій столяръ, а Кривошейкой онъ прозванъ былъ за то, что у него шея съ одной стороны была короче и

установлена правительствующимъ Сенатомъ. По сенатскому указу, отъ 18 апрѣля 1765 г., положено было брать за молитву родильницы 2 коп., за крещеніе—3 коп., за вѣнчаніе—10 к., за погребеніе взрослыхъ—10 коп., а младенцевъ—3 коп. За исповѣдь и причащеніе платы не полагалось; „а за молебны и поминовеніе родителей“, гласилъ сенатскій указъ, „давать каждому по соизволенію и по возможности“. Вѣроятно, преосвященный Ириней, при назначеніи платы за требы, держался вышеприведенной сенатской таксы.

голова была на бокъ) да учился у него столярному рукомеслу. Захарычъ—пріятель мнѣ и учить тебя будетъ даромъ, а рукомесло-то это хорошее и прибыльное: гдѣ гробикъ сколотишь какому-нибудь новопреставленному рабу Божію, гдѣ укладочку смастеришь—все тебѣ мзда нѣкая будетъ". Съ годикъ поучился я у Захарыча и прослылъ по селу за настоящаго мастера. Да и то сказать: какое мастерство требовалось для крестьянскаго обихода? Токмо почитай и приходилось работать на „новопреставленныхъ рабовъ Божіихъ". Не велику „мзду" получалъ я отъ крестьянъ за мои работы, да для нашей семьи каждый грошъ былъ дорогъ, было „всякое даяніе благо".

„Хоть и отчаявался батюшка насчетъ моего опредѣленія къ церковнической должности, однако напрасно: и мнѣ выпалъ случай къ опредѣленію на мѣсто. Случай этотъ былъ такой. Въ селѣ Рѣшетиловкѣ, волею Божіею, скоропостижно скончался понамарь Каллистратъ Ѳедоровъ. Послѣ него остались жена да двѣ взрослыя дочери безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Вдовая понамарица, по преданіи ея мужа землѣ, ни мало не медля, явилась къ владыкѣ съ слезнымъ прошеніемъ. Вдова просила, чтобы владыка зачислилъ мужнино мѣсто за ея дочерью и для пропитанія осиротѣвшей семьи даровалъ ей, вдовой понамарицѣ, зятя. Владыка внялъ прошенію вдовы и положилъ на немъ такую милостивую резолюцію: „зачислить, по прошенію вдовицы, мѣсто за ея дочерью, но не болѣе, какъ на трехмѣсячный срокъ". Послѣ того понамарица все стараніе свое прилагала, чтобы въ трехмѣсячный срокъ подыскать жениха для дочери. Дошелъ до вдовы слухъ, что у понамаря села Овражекъ есть сынъ въ жениховскомъ возрастѣ, и прибыла въ домъ моего родителя (Рѣшетиловка-то всего въ тридцати верстахъ отстоитъ отъ Овражекъ) поговорить, не пожелаю-ли я

содѣлаться мужемъ которой-нибудь изъ дочерей понамарицы и кормильцемъ семьи скончавшагося рѣшетиловскаго понамаря. Въ приданое за дочерью вдова отдавала избу. „Не новая она, а жить еще можно“, говорила Марья Сергѣвна (такъ звали вдовую понамарицу) про эту избу. Хоть невыгодно было мнѣ брать на свое попеченіе цѣлую семью, но и безъ должности-то пребывать тоже не приходилось. Вотъ родители мои и рѣшили, что не надо упускать сего случая къ опредѣленію на мѣсто,—тѣмъ паче, что приходъ въ Рѣшетиловкѣ былъ на хорошемъ счету. Чрезъ два дня послѣ переговоровъ съ вдовой родители повезли меня въ Рѣшетиловку на смотрины. Изъ двухъ дочерей понамарицы больше приглянулась мнѣ младшая—Анна Каллистратовна, да и батюшкѣ съ матушкой она больше пришлась по нраву. Но избой, которую вдова отдавала въ приданое за дочерью, и хозяйствомъ вдовы батюшка остался недоволенъ. „Анна“, сказалъ родитель, когда мы ѣхали изъ Рѣшетиловки домой,—„дѣвица доброзрачная, да избенка-то, что даютъ за ней, скудненька: не въ примѣръ плоше моей. А на дворѣ-то (батюшка, бывши въ Рѣшетиловкѣ, успѣлъ оглядѣть и дворъ вдовой понамарицы) я не токмо какой скотинки, а и курицы не обрѣлъ“. Не взирая на это, рѣшено было женить меня на Аннѣ Каллистратовнѣ. Въ скоромъ времени я, съ благословенія родительскаго, на двадцатомъ году своего житія, и вступилъ съ Анной Каллистратовной въ законный бракъ; а чрезъ мѣсяцъ послѣ своего бракосочетанія получилъ изъ Консисторіи указъ объ опредѣленіи меня на понамарское мѣсто въ село Рѣшетиловку, на второй штатъ (въ Рѣшетиловкѣ-то былъ двухштатный приходъ), „съ обязательствомъ (такъ прописано было въ консисторскомъ указѣ) быть благодѣтелемъ семейству умершаго понамаря Каллистрата Ѳедорова и пропитывать оное семейство“.

„Хоть женился я скороспѣшно, по случаю и не знаючи невѣсты (и разговору-то почитай до самой женитьбы я съ невѣстой не имѣлъ, ибо въ тогдашнее время разговаривать невѣстѣ съ женихомъ не полагалось); а все-таки, по милости Божіей, я обрѣлъ въ своей Аннѣ Каллистратовнѣ добрую подругу жизни: она—покойница (теперь она—сподоби, Господи, ее царства небеснаго!—ужъ тридцатый годъ покоится въ сырой землѣ) своей добротой походила на мою родительницу, при семъ она была хозяйственная, работящая, мужу покорливая. Хорошо было въ моей супружницѣ еще то, что она, при бѣдности да нуждѣ (а бѣдности и нужды-то мы видали вдоволь), не падала духомъ. Я, бывало, закручинюсь, въ уныніе впаду; а она все твердитъ: „не тужи, Семушка! Богъ дастъ, поправимся и мы съ тобой“. Бывало, услышишь такія-то слова и подумаешь: „баба и то не падаетъ духомъ, а мнѣ и подавно не надо унывать“. Вскорѣ послѣ женитьбы раздумался я насчетъ своего житья-бытья и говорю: „тяжеленько, Аннушка, намъ сперва-начала-то будетъ: и избенку надо строить, и хозяйствомъ обзаводиться, и семью пропитывать“. „Не кручинься“, отвѣтствуетъ моя Анна Каллистратовна: „Богъ дастъ, все справимъ; будемъ работать побольше—и дѣло у насъ на поправку пойдетъ“. „Насчетъ работы-то, говорю, я не выдамъ: у меня ни соха, ни борона изъ рукъ не вывернутся. Живучи при родителѣ, я работѣ-то научился“.—„И я не люблю, сложа руки-то, сидѣть. Вотъ, Богъ дастъ, мы и справимъ все; только бы еще“... И остановилась моя супружница. „Что-же, спрашиваю, не договариваешь“?—„Еще не походилъ бы ты у меня на тятеньку-покойника и не пилъ бы водки“. Обидно это стало мнѣ. „У меня и въ роду-то, говорю, нѣтъ пьяницъ: родитель потребляетъ кой-когда въ приходѣ водку, да по малости; а матушка и совсѣмъ

хмѣльнаго въ ротъ не беретъ".—„Ты не обижда́йся на меня. Я сказала такъ, вспоминаючи о своемъ тятенькѣ. Онъ, поколь не пилъ, былъ работящій, хозяйственный; мы были сыты и жили не хуже другихъ церковниковъ; водилась у насъ и скотинка. А какъ сталъ тятенька запивать, то все и пошло прахомъ и скотинка у насъ перевелась, и кормиться намъ нечѣмъ стало; тятенька, говорятъ, и смерть-то себѣ отъ вина получилъ. У насъ, вѣдь, церковники любятъ выпить; пожалуй, и тебя смущать на это станутъ. Вотъ я и боюсь... А ты на меня, Семушка (на первыхъ-то порахъ жена все Семушкой меня называла), не обижда́йся"!—„Полагайся, говорю, на меня: не стану пить".—„Коль не будешь пить, мы и заведемся хозяйствомъ, и все у насъ съ тобой будетъ". Слыша такія рѣчи отъ жены, я и самъ пустился въ мечтанія: „прикопимъ, говорю, деньженокъ, поставимъ себѣ новую, свѣтлую, просторную избу и будемъ съ тобой, Аннушка, поживать; заведемъ и скотину всякую, и птицу". —„Вотъ рада-то я буду! Ужъ больно я люблю хозяйство-то. Я съ недѣлю плакала, когда тятенька коровку на базаръ отвелъ"... Но когда я оглядѣлся въ своемъ приходѣ и увидалъ житье-бытье рѣшетиловскихъ церковниковъ, мнѣ не токмо не захотѣлось строиться, а нежелательно стало и жить-то въ Рѣшетиловкѣ".

„Въ Рѣшетиловкѣ съ деревнями въ то время числилось больше двухъ тысячъ душъ. По приходу былъ и причтъ: было два священника, діаконъ, два дьячка и два понамаря. Окромя этого, въ Рѣшетиловкѣ жительство имѣли двѣ вдовыхъ понамарицы (одна изъ нихъ была моя теща) и вдовая дьячиха. Бывало, въ Рѣшетиловкѣ на Пасху за иконами ходило столько народу, что всему этому народу и въ просторной крестьянской избѣ не можно было помѣщаться: тутъ были сами священно-церковно-служители,

ихъ жены, сыновья, вдовы церковниковъ да, въ придачу, богоносцы, церковный староста, просвирня, человѣкъ десятокъ, а то и побольше, нищихъ. Бывало, кто изъ зажиточныхъ прихожанъ задумаетъ на Пасху кормить духовенство (а такой обычай былъ въ Рѣшетиловкѣ, и мужички-то, кои были побогаче, соблюдали его), заранѣе пріуготовляетъ къ этому случаю свинку на закланіе, боченокъ пивца и столько же браги. Однихъ духовныхъ съ женами и чадами, бывало, за два стола не посажаешь, а посему пищи и питія требовалось не мало".

„Въ двухштатныхъ приходахъ въ старые-то годы завсегда какъ-то немирно жили духовные. Такъ было и въ Рѣшетиловкѣ: ни миру, ни ладу не посылалъ Богъ рѣшетиловскому духовенству. Священники были во враждѣ между собою изъ-за первенства, по нынѣшнему сказать,—изъ-за настоятельства".

„По стопамъ священниковъ шли и прочіе церковники, и тоже не ладили межъ собою. Особливо много споровъ и здоровъ бывало межъ ними при раздѣлѣ братскихъ доходовъ".

„При такой жизни церковниковъ, въ Рѣшетиловкѣ то-и-дѣло были судьбища. Бывало, слѣдователь раза три въ годъ пріѣдетъ въ Рѣшетиловку для слѣдствія надъ церковниками: то по случаю ихъ нетрезвеннаго житія, то по случаю буйственнаго поведенія. Хорошо еще, что въ то время дарами да приношеніями разными можно было умилостивить слѣдователей; а то врядъ-ли кто изъ рѣшетиловскаго духовенства удержался бы долго на своемъ мѣстѣ".

„Родители мои не любили ни брани, ни раздоровъ; а судьбища родитель мой боялся, яко огня геенскаго. Въ своихъ родителей пошелъ и я. Посему, не по душѣ мнѣ была жизнь рѣшетиловскихъ церковниковъ. Подумалъ, по-

думалъ я да рѣшилъ по добру-по здорову убираться изъ Рѣшетиловки и искать другого прихода. На счастіе мое, и случай подходящій вышелъ мнѣ къ перемѣщенію въ другой приходъ".

„Однажды на базарѣ (Рѣшетиловка-то—село базарное) встрѣтился мнѣ понамарь села Грибовки Антонъ Власичъ. Немного знакомъ онъ былъ мнѣ, а посему мы поклонами помѣнялись и въ разговоръ другъ съ другомъ вошли. „Какъ поживаешь, Антонъ Власичъ"? спросилъ я.—„Какое ужъ житье! Одно слово: бѣдствую. Семья у меня большая, доходы скудные, приходъ малый: и пяти сотъ душъ не будетъ. За годъ-то у насъ и десяти свадьбей не наберется". Какъ началъ Антонъ Власичъ на свой приходъ да на свои доходы жалобы приносить, у меня и явилось помышленіе помѣняться съ симъ понамаремъ приходомъ (духовные частенько тогда дѣлали это). Кстати, въ Грибовкѣ-то я бывалъ и приходъ этотъ зналъ. Хоть сей приходъ былъ малочисленный, да и причтъ-то тамъ полагался небольшой: священникъ, дьячекъ и понамарь. Народъ въ Грибовкѣ былъ не барскій, а вольный (на это духовные, при перемѣщеніи, завсегда вниманіе обращали, потому что въ барскихъ селахъ народъ былъ бѣднѣе); мѣсто тамъ было привольное: я зналъ, что и луговъ, и лѣсу у грибовскихъ крестьянъ было довольно. Задумавши мѣняться приходомъ, я позвалъ Антона Власича къ себѣ.—„Ну, а какъ у васъ насчетъ доходовъ"? спросилъ меня грибовскій понамарь. Коли задумано было мѣняться приходомъ, надо было хвалить Рѣшетиловку. „Насчетъ доходовъ, говорю, нечего Бога гнѣвить: и браковъ, и крестинъ, и всякихъ требъ у насъ довольно. Вѣдь, у насъ приходъ-то не съ вашъ: больше двухъ тысячъ душъ будетъ".—Каковъ у васъ денежный доходъ"?—„Хорошъ, говорю: недавно еще я служу въ своемъ

приходѣ (я въ Рѣшетиловкѣ прожилъ еще только полтора года), а ужъ деньженокъ скопилъ (тутъ я, грѣшный человѣкъ, прихвастнулъ: всего-то скоплено у меня было не больше пяти рублевъ). Теперь подумываю строиться да скотинкой обзаводиться".—„Ну, а каковъ у васъ хлѣбный сборъ"? Похвалился я и хлѣбнымъ сборомъ.—„А какъ у васъ насчетъ псалтиря"?—„И псалтирь, молъ, выручаетъ насъ".—„Счастливецъ ты, что такимъ приходомъ завладалъ! А мнѣ Богъ не посылаетъ счастія: просилъ владыку о перемѣщеніи въ другой приходъ, который бы былъ побольше и подоходнѣй, да владыка не явилъ мнѣ своей милости... Пожилъ бы хоть лѣтъ пятокъ въ такомъ-то приходѣ, какъ твой"!—„Приходъ-то, говорю, первостатейный, въ жисть бы не разстался съ нимъ, да одно неладно: церковники все у насъ ссорятся да судятся межъ собой, а мнѣ это не въ обычай".—„А я бы на это не поглядѣлъ", сказалъ Антонъ Власичъ. „Ну, а я другой, говорю, характеръ имѣю: не люблю дрязгъ да неладовъ-то. Дабы удалиться отъ зла, я и въ другой приходъ не прочь бы уйдти. Помѣнялся бы я и съ тобой, да ужъ больно обидно изъ большаго-то прихода въ малый, да на скудный доходъ идти; ништо, говорю, придачи дашь". —„Да чего дать-то"? Подумалъ, подумалъ Антонъ Власичъ и сказалъ: „пожалуй, мы съ тобой сдѣлаемся вотъ какъ: твоя изба-то не въ примѣръ хуже моей и на дворѣ-то нѣтъ у тебя никакого строенія, а у меня есть и амбарчикъ, и погребица. Уступай ты мнѣ свой приходъ и свою избу, а я тебѣ свой приходъ и свою избу со всѣмъ строеніемъ, которое у меня на дворѣ есть. Твой приходъ лучше моего, а у меня изба справнѣе твоей — вотъ у насъ бой-то и ровный будетъ". На томъ мы и сошлись, и ударили по рукамъ. Чрезъ недѣлю мы оба явились къ владыкѣ съ прошеніемъ о перемѣщеніи. Круто

обошелся съ нами владыка Ириней и крѣпко побранилъ насъ за шатанье изъ одного прихода въ другой. Мы полагали, что наше прошеніе останется втуне, а глядь— вышла милостивая резолюція: „перемѣстить рѣшетиловскаго понамаря въ Грибовку, а грибовскаго—въ Рѣшетиловку, по ихъ взаимному соглашенію". Такъ я и распростился съ своимъ первымъ приходомъ". **М. Сацердотовъ.**

(Окончаніе будетъ).

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана *).

„На первыхъ порахъ я былъ доволенъ перемѣщеніемъ въ Грибовку; потому что люди, съ которыми мнѣ пришлось тамъ служить, были по душѣ мнѣ. Священникомъ въ Грибовкѣ состоялъ о. Аѳанасій, старикъ обходительный и

*) Продолженіе. См. № 1 Вѣдомостей.

привѣтливый. Всякому человѣку у него было названіе „родимый“ да „родимая“. Бывало, иного мужичка журилъ, а все ему говоритъ: „ты родимый“. О. Аѳанасій умѣлъ и не больно пріятное сказать такъ, что на него не обиждались. Иному прихожанину онъ, бывало, молвитъ: „ты, родимый, не въ обиду тебѣ будь сказано, совсѣмъ измошенничался! Оставь ты, родимый, свое мошенство да лукавство, пожалѣй свою душу, не отдавай своей души дьяволу!“ Съ дьячкомъ Никифоромъ Ѳедорычемъ (его чаще звали въ селѣ-то просто Ѳедорычемъ) и со мною священникъ обходился по-простецки, безъ превозношенія, почитай какъ съ ровней. Иной разъ отслужитъ о. Аѳанасій обѣдню и скажетъ намъ причетникамъ-то: „запирайте-ка, родимые, храмъ-то да пойдемте ко мнѣ; я видалъ, что моя попадья пирогъ стряпала. А насчетъ пироговъ-то она не ударитъ себя лицомъ въ грязь“. Съ дьячкомъ Ѳедорычемъ тоже можно было ладить. Онъ—спасибо ему!—кой-когда выручалъ меня. Спросишь, бывало, лошадки съѣздить въ лѣсъ аль на базаръ—и дастъ“.

Оглядѣвшись въ новомъ своемъ приходѣ, я рѣшилъ утвердиться въ немъ. Женѣ своей я говорилъ: „надо намъ, Аннушка, утвердиться въ Грибовкѣ да за хозяйство приниматься. Изба теперь у насъ есть, да и не больно плохая (я полагалъ, что изба, которую отдалъ мнѣ бывшій грибовскій понамарь Антонъ Власичъ, въ придачу за приходъ, простоитъ безъ поправокъ лѣтъ пятокъ, а то и побольше), есть и постройки кой-какія на дворѣ; подобаетъ намъ теперь, дабы стать настоящими хозяевами, обзавестить хоть немудрящей лошадкой да коровку купить“. Хоть въ карманѣ-то у меня было и маловато деньжонокъ, но Богъ помогъ мнѣ кой-какъ совладать съ этимъ дѣломъ. И радовалось мое сердце тому, что я становлюсь настоя-

щимъ хозяиномъ! Супружница моя, кажись, еще больше радовалась".

„Но недолго намъ пришлось порадоваться на свое житье-бытье. Судьба такъ немилостива была ко мнѣ, многогрѣшному, что только, бывало, начнешь кой-чѣмъ обзаводиться да изъ бѣдности выбиваться, а глядь—бѣда нежданно-негаданно и накроетъ тебя, и доведетъ до всеконечнаго разоренія! Одни пожары сокрушили меня: въ самое короткое время я погоралъ два раза (не даромъ, видно, Грибовка въ церковныхъ книгахъ писалась: „Погорѣловка тожъ". Первый пожаръ случился въ самый день нашего храмоваго праздника—Воздвиженія креста Господня, въ нощное время, при сильномъ вѣтрѣ и почитай рядомъ съ моимъ строеніемъ. Я и мои семейные выбѣжали изъ загорѣвшейся моей избы, можно сказать, наги и босы, яко изъ утробы матернія".

„Хоть въ то время и стройка была дешева, и лѣсовъ противъ нынѣшняго времени было вдоволь, и крестьяне намъ, духовнымъ, жертвовали лѣску (у грибовскахъ крестьянъ тогда водился строевой лѣсъ); все-таки, при понамарскомъ скудоденежьѣ-то, мнѣ больно тяжело было вновь обзаводиться домкомъ,—тѣмъ паче, что тогда въ селахъ-то не страховали строеній отъ огня, да и страхованіе почитали ежели не грѣховнымъ, то, по крайности, и не богоугоднымъ дѣломъ. По тогдашнему разсужденію, застраховать строеніе отъ огня значило искушать милосердіе Господне и идти противъ воли Божіей".

„Сильно, говорю, подрѣзалъ меня пожаръ, но на сей разъ все-таки я бодро встрѣтилъ посланное мнѣ испытаніе: младъ еще я былъ лѣтами, не искушенъ жизнію, крѣпко вѣрилъ въ свои силы, много полагался на свои привычныя къ работѣ руки и упованіе имѣлъ опять по-

правиться. Но не то было со мной послѣ другого пожара. Хоть и времени-то немного прошло съ перваго пожара до другого, а ужъ я сталъ совсѣмъ не тотъ, что прежде (видно, „укатали сивку крутыя горки“). Куда дѣлась прежняя моя бодрость, прежнее самонадѣяніе! Ужъ и пріунылъ-же я въ ту пору! Мнѣ все думалось: „что за несчастный я такой человѣкъ на свѣтѣ! Лишь обзаведусь своимъ угломъ да начну мало-мальски изъ нищеты выходить, а глядь—опять разоренъ, опять нищъ и убогъ“! А семья-то у меня тогда умножалась: свои дѣтки стали являться на бѣлый свѣтъ. Въ крестьянскомъ быту радуются при умноженіи семьи, особливо ежели родится мальчикъ; а меня каждый новорожденный повергалъ токмо въ печаль. Такъ, бывало, и думается: „не на радость ты, дитятко, увидало бѣлый свѣтъ! Вѣдь, доля-то понамарскихъ дѣтей больно горька! Что бы тебѣ не родиться у благочиннаго аль присутствующаго“?... По случаю претерпѣваемыхъ мною злоключеній, мнѣ часто приходили на память слова, кои я твердилъ въ букварѣ: „аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущій“. Вспоминаючи сіи слова, я думалъ: „видно, ужъ и Господь-то отъ меня, многогрѣшнаго, отступился; видно, Онъ не благословляетъ всѣхъ моихъ дѣлъ и трудовъ“. Я дошелъ до такого малодушества, что и руки совсѣмъ у меня опускались, и за работу-то не хотѣлось браться. Кажись, я такъ и не воспрянулъ бы духомъ, ежели бы добрые люди не утѣшали меня, малодушнаго, да кой-какого вспомоществованія не оказывали“.

„Къ вящему моему горю, и по службѣ-то дѣла у меня шли неладно: я все обрѣтался въ немилости у начальства. А причиной сему все была моя бѣдность. Давать мнѣ было нечего, а тогда любили брать, требовались все „даянія“ да „приношенія“, мзда была въ большомъ ходу. Нечего

грѣха таить, любили въ оно время мзду и въ консисторіи и въ духовныхъ правленіяхъ. Бывало, присутствующіе духовныхъ правленій даже сами разъѣзжали по селамъ для сбора денежныхъ и разныхъ другихъ даяній. Памятно мнѣ, какъ въ Рѣшетиловку и Грибовку пріѣзжалъ присутствующій N—скаго духовнаго Правленія, протопопъ Іаковъ Дубровинъ. Въ каждый свой пріѣздъ въ Рѣшетиловку и Грибовку протопопъ получалъ рубля два-три изъ церковныхъ денегъ. Помимо того, многіе изъ сельскаго духовенства жертвовали присутствующему что-нибудь и отъ своего хозяйства: кто тушку свиную, кто гусей аль поросятъ, кто кадку меду. Таковыхъ даяній набиралось много. Бывало, на трехъ подводахъ везутъ за протопопомъ жертвы духовной братіи. Для сбора пожертвованій также наѣзжали въ села, особливо по осени, повытчики, по нынѣшнему —столоначальники, и копіисты консисторскіе и правленскіе. Сельское духовенство тоже принимало ихъ съ почетомъ и отпускало не съ пустыми руками. Можно сказать прямо: консисторскіе и правленскіе приказные жили, почитай, одними даяніями духовенства, ибо казна-то немилосердо скупа была къ нимъ. Мнѣ доводилось знать правленскаго копіиста Фрола Петровича Черноморскаго. Онъ получалъ казеннаго жалованья всего полтину въ мѣсяцъ, а былъ многосемейный человѣкъ и жилъ, надо сказать, не плохо. Повытчики тоже получали самое пустое жалованье *), а членамъ консисторіи, присутствующимъ духовныхъ правленій и благочиннымъ жалованья и совсѣмъ не полагалось. По сей причинѣ поборы съ духовенства и во грѣхъ не вмѣнялись. Черноморскій говаривалъ: „мы, правленцы,

*) Повытчики духовныхъ правленій получали менѣе 60 руб. въ годъ.

токмо и дышемъ даяніями духовенства, наипаче же подсудимыхъ.

Особенно выгодны были для „правленцевъ“ состоятельные подсудимые, потому что отъ таковыхъ подсудимыхъ завсегда можно было поживиться. Смѣтятъ, бывало, „правленцы“, что подсудимый состоятельный человѣкъ и нарочно, дабы побольше попользоваться отъ сего подсудимаго, затянутъ дѣло его на многіе годы. Не вдалекѣ отъ Грибовки, въ селѣ Захаровкѣ, священствовалъ о. Андрей Богородицкій. Онъ какъ-то съумѣлъ снискать благоволеніе захаровской барыни и управлялъ ея имѣніемъ. При благоволеніи-то барыни, о. Андрей сколотилъ немаловажный капиталецъ и прослылъ по всему уѣзду за „попа-богатѣя“. О. Андрей долго благополучно и священствовалъ, и управительствовалъ, но накопецъ, кажись, за напесеніе кому-то побоевъ, угодилъ подъ судъ. Дѣло Богородицкаго рѣшалось въ N-скомъ духовномъ Правленіи. По разсказамъ, о. Андрей для N-скаго Правленія былъ настоящимъ кладомъ. Раза по два и по три въ годъ онъ пріѣзжалъ въ N-скъ навѣдываться по своему дѣлу. Говоръ шелъ, что въ иной свой пріѣздъ Богородицкій расходовалъ на „правленцевъ“ рублей двѣсти: не токмо, бывало, присутствующихъ, повытчика и копіистовъ надѣлитъ деньгами, а и сторожа правленскаго Пахомыча не оставитъ безъ мздовоздаянія. Ежели, бывало, о. Андрей, по какому-нибудь случаю, долго не навѣдывается въ Правленіе, кто-нибудь изъ приказныхъ правленскихъ и напишетъ священнику-то: твоему-де дѣлу на дняхъ будетъ рѣшеніе; пріѣзжай-де опять хлопотать по оному дѣлу, а то оно обстоитъ неблагополучно. И точно, къ пріѣзду-то Богородицкаго дѣло его выложатъ на столъ; а какъ уѣдетъ священникъ во свояси, опять дѣло-то снимутъ со стола и положатъ оное дѣло снова въ повытье,

сирѣчь въ столъ, для храненія, а не то отошлютъ слѣдователю для переслѣдованія аль для дополненія. Много разъ разслѣдовали, переслѣдовали и дополняли сіе безконечное дѣло, да такъ его запутали, что лишь премудрый царь Соломонъ распуталъ бы его и открылъ бы тамъ правду и неправду. Лѣтъ чрезъ десять отъ начатія дѣла о. Андрея, наконецъ, вышло рѣшеніе: „учинить его, священника Богородицкаго, по недоказательству вины отъ суда свободнымъ“. Свободнымъ-то отъ суда учинили о. Андрея, да токмо тогда, когда онъ, почитай, всю свою казну перевозилъ въ Правленіе. И не съ однимъ о. Андреемъ былъ такой случай. Бывало, то про одного, то про другого изъ духовныхъ послышишь: „просудилъ все и въ разореніе пришелъ“.

„Благочинные въ тогдашнее время тоже не клали охулки на руку: брали они себѣ и съ церквей, поборы чинили и съ духовенства. Бывало, благочиннымъ-то духовные еще больше старались угодить своими приношеніями, чѣмъ присутствующимъ. „Хоть присутствующій-то, думало духовенство, и повыше благочиннаго, да онъ подальше отъ насъ отстоитъ; благочинному-то скорѣй придется поклониться, и онъ завсегда нашего брата можетъ уязвить“. Благочинные говорили, что имъ и не можно избѣжать поборовъ съ духовенства; ибо-де съ нихъ самихъ берутъ въ консисторіи. „Тамъ“, говорили благочинные про консисторію, „не больно ласково принимаютъ нашего брата съ пустыми-то руками“. Быть можетъ, и необходимость заставляла благочинныхъ брать съ духовныхъ; но только надо сказать, что чрезъ эти „приношенія“ да „даянія“ большая неправда была въ духовномъ званіи. Тотъ и былъ хорошъ у благочинныхъ, кто былъ щедръ для нихъ; а кто не давалъ ничего аль скупъ былъ на даянія, на того благочинные поглядывали косо, и

тотъ былъ у нихъ въ немилости. Иной по нищетѣ своей не дѣлалъ приношеній, а сіе ему вмѣнялось въ вину. Про такого человѣка благочинные говорили: „и знать начальства не хочетъ". Таковъ былъ и нашъ благочинный о. Лука Крестопоклонскій".

О. Лука готовъ былъ всякую неисправность духовенства прикрыть, лишь бы его ублаготворяли даяніями. Въ иномъ селѣ, бывало, духовные совсѣмъ не писали метрическихъ книгъ. Одни причты дѣлали это по нерадѣнію, а другіе— по малограмотству (въ то время случалось, что весь причтъ состоялъ изъ людей, которые токмо и могли рукоприкладство учинить). Благочинный самъ, бывало, для видимости, что-де метрическія книги велись, впишетъ, со словъ церковниковъ, пять-шесть крестинъ, два-три брака, велитъ церковникамъ руки приложить (да еще укажетъ самъ, гдѣ и приложить-то ихъ)—и дѣло съ концомъ. Иные причты, дабы не утруждать себя записываніемъ случившихся по селу требъ, бывало, и напишутъ въ метрическихъ книгахъ: „въ семъ году родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ быть не имѣлось". *) Сходило съ рукъ и это.

„Кѣмъ доволенъ былъ о. Лука, тому онъ являлъ свое снисхожденіе и на благочинническихъ экзаменахъ (со времени владыки Амвросія благочинные ежегодно учиняли экзаменъ діаконамъ и причетникамъ): по священной исторіи больше спрашивалъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, а читать заставлялъ либо третій, либо шестой часъ. Случалось, что иной изъ духовныхъ и по часослову-то едва брелъ, да, при покровительствѣ благочиннаго, все было ладно и исправно. Однажды, вмѣстѣ со мной и съ прочими духовными, на

*) И намъ приходилось видѣть въ Пензенской консисторіи такія метрическія книги.

экзаменъ явился діаконъ села Подгорнаго Лаврентій. Въ чтеніи онъ оказался совсѣмъ слабымъ, такъ-что дьячекъ того-же села, слыша чтеніе-то Лаврентія, засмѣялся и смѣлость взялъ сказать: „надо полагать, ваше высокоблагословеніе, что сія книга-то не при нашемъ о. діаконѣ писана“.—„Удобѣе, дьячекъ, есть молчаніе“! строго сказалъ на это благочинный. А Лаврентію-то о. Лука сказалъ: „я, вѣдь, знаю, что ты чтецъ-то исправный, да, видно, зрѣніемъ-то еще не поправился“ (на самомъ-то дѣлѣ дьяконъ и не болѣлъ никогда глазами, и былъ онъ такой зоркій, что про него говорили духовные: „сквозь землю на пять аршинъ видитъ“). Смекнулъ Лаврентій, что самъ благочинный выручаетъ его и отговорку ему находитъ, и отвѣтилъ: „да, ваше высокоблагословеніе, совсѣмъ глаза никуда негодящіе стали“.—„Ну, съ тебя и взыскивать нечего“, порѣшилъ благочинный: „съ плохимъ-то зрѣніемъ и хорошій чтецъ не прочитаетъ „Помилуй мя, Боже“.

„Но крутъ и строгъ былъ о. Лука съ тѣми, кто не ублаготворялъ его. На себѣ я это извѣдалъ. Я полагалъ, что благочинный, по случаю претерпѣваемыхъ мною злоключеній, и взыскивать съ меня не станетъ за мою нерачительность по части „даяній“, а вышло не то: о. Лука взялъ меня на замѣчаніе и прогнѣвался на меня. Ему такъ и хотѣлось найти за мною какую-нибудь вину. Бывало, онъ пріѣдетъ въ Грибовку и все у о. Аѳанасія справки обо мнѣ наводитъ: рачителенъ-ли я по службѣ, не опущаю-ли богослуженія, являюсь-ли неукоснительно къ исправленію требъ, не грублю-ли о. Аѳанасію. Иной разъ благочинный давалъ такой наказъ священнику: „ты, о. Аѳанасій, смотри за своимъ понамаремъ, и ежели что нелад-ное замѣтишь, неукоснительно докладывай мнѣ; не надо потачки давать молодымъ людямъ“.

„Кажись, ничего худого за мной не было замѣчено и жалобъ ни отъ священника, ни отъ прихожанъ на меня не было; однако благочинный не больно одобрительно отмѣчалъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ мое поведеніе и все писалъ насчетъ меня: „поведеніе усматривается“ да „поведеніе испытывается“. Горько было мнѣ это. Попросилъ я о. Аѳанасія замолвить предъ благочиннымъ за меня словечко, да ничего не вышло. „Ты, сказалъ о. Лука священнику, никогда и не проси меня за твоего понамаря! У меня такое положенье: „сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ“.

„На экзаменахъ о. Лука тоже нещадно строгъ былъ ко мнѣ. Бывало, изъ священной исторіи и спроситъ о какомъ-нибудь нечестивомъ царѣ израильскомъ, о коемъ я отродясь не слыхивалъ (ежели бы спрашивалъ объ Ахавѣ да Іероваамѣ, я все-таки могъ бы отвѣтъ держать)—ну, и простоишь безгласенъ, и получишь отмѣтку: „въ исторіи не свѣдущъ“. Не въ похвальбу сказать, въ чтеніи и пѣніи (тогда у меня былъ изрядный басокъ) я былъ исправнѣе многихъ изъ нашей братіи духовной; однако благочинный и тутъ меня уязвлялъ. Иной разъ онъ отмѣчалъ такъ: „читаетъ спѣшно, невразумительно и поетъ неумилительно“. Никакъ, бывало, не угодишь благочинному на экзаменѣ, да и только! А отмѣтки-то благочиннаго больно вредительны для меня были: я чрезъ нихъ все оставался „безстихарнымъ понамаремъ“, а одинъ разъ даже требованъ былъ въ Пензу, „на самоличное испытаніе“ владыки Иринея (только мнѣ не пришлось быть на испытаніи у владыки, по случаю перемѣщенія его въ другую епархію)... Но главная-то бѣда была у меня впереди“!

М. Сацердотовъ.

(Окончаніе будетъ).

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана *).

VI.

„Претерпѣвая разныя невзгоды, дожилъ я, горемычный, до тяжелаго 1831 года. Сей годъ былъ холерный и голод-

*) Окончаніе. См. № 5.

ный. Для всѣхъ онъ тяжелъ былъ, а наипаче для духовныхъ; ибо съ самаго начала этого года начали ходить страшные слухи о наборѣ съ духовенства".

„Кажись, ничего въ старые годы не было страшнѣе двадцатипятилѣтней суровой солдатской службы! Эта служба была такъ солона, что бѣглые солдаты, бывало, не переводились въ нашихъ лѣсахъ. Таковыхъ солдать, по изловленіи, случалось, засѣкали на-смерть, но и страхъ лютой смерти не удерживалъ иныхъ солдатиковъ отъ бѣгства изъ полковъ. Можно сказать, самыя отчаянныя головы и самые безшабашные люди въ тогдашнее время боялись солдатской „красной шапки" пуще огня"!

„Когда пошли слухи о наборѣ съ духовенства, трецетъ объялъ духовную братію, а въ томъ числѣ и меня, многогрѣшнаго. Духовнымъ такъ и чудилось, что вотъ-вотъ наѣдетъ начальство и заберетъ ихъ въ рекруты. Бывало, пріѣдетъ въ село исправникъ, а церковники и не знаютъ, куда отъ страха дѣваться. Не меньше въ то время духовенство боялось и своего духовнаго начальства и иной разъ искало спасенія въ укрывательствѣ. Дьячекъ села Караваева, завидѣвши подъѣзжавшаго къ селу своего благочиннаго, укрылся отъ него въ овинной ямѣ и пробылъ въ оной почитай двое сутокъ безъ пищи и питія. Еле живого нашли его, бѣднаго, тамъ! Были даже такіе духовные, кои, почуявши бѣду, бросали свои домишки, женъ и чадъ и пропадали безъ вѣсти" *).

„Не токмо нашъ братъ—причетникъ, но иные и изъ священнослужителей-то неспокойны за себя были и бѣды

---

*) Изъ документовъ Пензенской консисторіи видно, что нѣкоторые изъ духовныхъ не попали въ 1831 г. въ военную службу „по укрывательству".

себѣ ожидали [1]). Въ то время ходили слухи, что храмы запечатаютъ [2]), а священнослужителей, не взирая на ихъ священный санъ, возьмутъ на царскую службу и погонятъ прямо на войну противъ Турка [3]). Одни говорили, что и священники, наравнѣ съ прочими духовными, будутъ на солдатскомъ положеніи и будутъ биться съ Турками, а другіе говорили иначе: священниковъ-де не заставятъ биться, а вышлютъ ихъ противъ Турка въ облаченіи и съ крестами въ рукахъ; ибо-де хоть Турокъ и „невѣрный“, но знаетъ силу нашего креста и страшится его паче, чѣмъ оружія. Въ нынѣшнее время таковымъ баснямъ не повѣрили бы; а въ старину-то духовные, особливо въ селахъ, были народъ темный. Бывало, книгъ, кромѣ церковныхъ, сельское духовенство не читало, газетъ и не видало, а посему совсѣмъ не знало, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и всякому, иной разъ самому пустому, слуху давало вѣру. И то надо сказать: духовенство было въ то время напугано, а, по пословицѣ, „у страха глаза велики“.

„Сперва ходили только слухи о наборѣ съ духовенства, а тамъ и на самомъ дѣлѣ вышелъ указъ, коимъ повелѣно было учинить разборъ духовенству [4]), и однихъ оставить

---

[1]) И дождались бѣды. Напр., священникъ села Казеннаго Майдана Егоръ Васильевъ, состоявшій подъ судомъ, попалъ въ солдаты.

[2]) Поводомъ къ подобнымъ слухамъ, вѣроятно, было то, что при нѣкоторыхъ владыкахъ, напр. при Іоаннѣ, малолюдныя села съ ихъ церквами приписывались къ сосѣднимъ селамъ.

[3]) Въ дѣйствительности же войны съ турками въ 1831 г. не было, а было польское возстаніе, почему и явилась надобность въ пополненіи арміи.

[4]) Высочайшій указъ о разборѣ послѣдовалъ 1 мая 1831 г., а къ 10 мая того же года Святѣйшимъ Синодомъ выработаны были правила касательно производства разбора. По этимъ пра-

въ духовномъ званіи, а другихъ сдать на царскую службу".

„Владыкой Пензенскимъ и Саранскимъ въ то время былъ Іоаннъ [1]) (онъ первый сталъ называться Пензенскимъ и Саранскимъ). Самъ онъ былъ ученый мужъ [2]) (говорѣ шелъ про Іоанна, что онъ латинскій языкъ зналъ, какъ „Отче нашъ", и книгу какую-то сочинилъ на латинскомъ языкѣ) [3]) и малограмотныхъ духовныхъ больно не жаловалъ [4]). Этихъ-то духовныхъ владыка и прочилъ на царскую службу. А дабы отдѣлить овецъ отъ козлищъ, достойныхъ пребывать въ духовномъ званіи отъ недостойныхъ, владыка благочиннымъ указъ далъ учинить церков-

---

вилмъ, поступленію изъ духовнаго званія въ военную службу подлежали люди, отличающіеся дурнымъ поведеніемъ, проживающіе въ монастыряхъ не на штатныхъ вакансіяхъ, отрѣтенные, по неспособности, отъ церковнослужительскихъ должностей, занимающіе должности сторожей (при церквахъ, при консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ, а также при духовно-учебныхъ заведеніяхъ), состоящіе подъ судомъ по важнымъ преступленіямъ, исключенные изъ духовно-учебныхъ заведеній. Для поступленія въ военную службу назначался возрастъ отъ 15 до 40 лѣтъ: имѣющихъ отъ 15 до 20 лѣтъ положено было отдавать въ 1 и 2 карабинерные полки, имѣющихъ отъ 20 до 35 лѣтъ — въ полевые полки, а имѣющихъ отъ 35 до 40 лѣтъ — во внутреннюю стражу.

[1]) Преосвященный Іоаннъ Доброзраковъ управлялъ Пензенской епархіей съ 17 августа 1830 года по 19 января 1835 г. Изъ Пензы переведенъ былъ въ Нижній Новгородъ.

[2]) Іоаннъ имѣлъ степень доктора богословія.

[3]) Книга, составленная Іоанномъ, носила названіе „Священной герминевтики".

[4]) Это видно и изъ резолюцій преосвященнаго Іоанна. Напр., на прошеніи отрѣщеннаго отъ должности дьячка Никитина положена Іоанномъ такая резолюція: „... дьячекъ ни читать,

никамъ строгій экзаменъ и списки съ благочинническими отмѣтками ему, владыкѣ, представить *).

„Мало я уповалъ на то, что благочинный на экзаменѣ явитъ мнѣ свою милость. И на самомъ дѣлѣ, я, по благочинническому экзамену, вышелъ по однимъ предметамъ „несвѣдущимъ", а по другимъ—„малосвѣдущимъ". Учинивши мнѣ экзаменъ, благочинный сказалъ мнѣ: „ежели бы ты побольше памятовалъ о начальствѣ, дѣло-то твое складнѣй было бы: на экзаменѣ-ли ты не отвѣтилъ бы, въ чемъ нибудь проштрафился-ли бы (вѣдь, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?)—все бы снисхожденіе у меня нашелъ... Ну, а теперь пеняй на себя! Нынѣ подошли времена строгія: какъ разъ на царскую службу угодишь"! Каждое слово благочиннаго было для меня, словно ударъ по головѣ. Помню, что вдругъ-то я и не смогъ ничего

ни пѣть не умѣетъ и ничего не знаетъ! Неужели онъ считаетъ странностію (дьячекъ въ прошеніи сѣтовалъ на увольненіе отъ должности), что такой невѣжда не можетъ быть причетникомъ?.. Пусть добровольно пришишется къ какой-нибудь волости, покуда не отосланъ, какъ бродяга, въ губернское правленіе. Еще сноснѣе было бы читать просьбу, ежели въ ней хоть на крошку примѣтно было расположеніе у просителя сколько-нибудь образовать себя... Нѣтъ! Онъ прямо требуетъ себѣ дьяческаго мѣста, да и только! Сказываю, однакожъ, Никитину, что онъ, Никитинъ, своимъ голодомъ меня къ этому не склонитъ. Голодъ требуетъ хлѣба— я не спорю; но ничуть не слѣдуетъ, чтобы хлѣбъ именно лежалъ на правомъ клиросѣ".

*) Отмѣченныхъ въ благочинническихъ спискахъ малосвѣдущими преосвященный Іоаннъ впослѣдствіи требовалъ на экзаменъ въ консисторію или самъ экзаменовалъ. Тѣхъ, которые, по архіерейскому и консисторскому экзамену, оказывались несостоятельными, Іоаннъ отсылалъ, подъ строгимъ присмотромъ, къ командиру внутренняго гарнизоннаго баталіона, для принятія въ военную службу.

отвѣтствовать благочинному; ужъ спустя довольно времени, я сказалъ, что о начальствѣ я завсегда памятую и завсегда къ начальству трепетъ имѣю.—„Да, сказалъ о. Лука, на словахъ-то ты, пожалуй, и „Блаженъ мужъ“, только на дѣлѣ-то „Вскую шаташася“. Сколько я о. Луку не просилъ взглянуть окомъ милосердія на меня и на семейство мое, всѣ мои прошенія втуне остались. „Поздно, поздно хватился“! отвѣтствовалъ благочинный на всѣ мои прошенія“.

„Ужъ и тяжело было у меня на душѣ, когда я отъ благочиннаго (благочинный-то нашъ жилъ въ селѣ Васильевкѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Грибовки) ѣхалъ домой! „Погибаю, совсѣмъ погибаю“! помышлялъ я. Я въ ту пору въ такомъ отчаяніи былъ, что думалъ: „прощай, молъ, Анна Каллистратовна! Видно, Господу неугодно, чтобы мы вмѣстѣ прокоротали всѣ дни своей земной жизни... Прощайте, помышлялъ я, и вы, малыя мои дѣтушки! (а дѣтокъ-то у меня въ то время было двое: мальчикъ по третьему годочку да дѣвочка, грудной еще ребенокъ. Была и еще у меня дочка, да та, волею Божіею, скончалась). Приходится мнѣ оставить васъ безъ своего родительскаго попеченія и либо идти на царскую службу, либо, какъ татю какому-нибудь и разбойнику, укрываться въ лѣсахъ дремучихъ!“ (въ отчаяніи-то мнѣ приходили и такіе помыслы).

„Прибылъ я домой и говорю супружницѣ: „плохо мое дѣло, Аннушка: благочинный совсѣмъ обрекъ меня на царскую службу“! Хоть моя покойница-жена не больно еще изъ слезливыхъ была; но, услыхавши отъ меня эти слова-то, такъ и залилась слезами: „Господи, что за напасти такія“, говорила она, „пошли на насъ! Видно, мы, грѣшные, больно прогнѣвили Тебя; видно, молитва-то наша къ Тебѣ была неусердная да неугодная!...

„Вдоволь поплакала тогда моя супружница, а потомъ и

вспомнила, видно, что однѣми слезами горю не пособить. А вспомнивши-то это, она и сказала мнѣ: „надо, вѣдь, Семенъ Петровичъ, надо, родимый мой, хлопотать, чтобы тебя не отдавали на царскую службу. Ежели ты угодишь въ солдаты, тебѣ тошно будетъ, да не легче будетъ и намъ: вѣдь, тогда всѣ мы по міру должны идти; вѣдь, дѣтушки наши, словно сироты, останутся“.—„Какъ, говорю, Аннушка хлопотать-то? Гдѣ искать спасенія? Припалъ бы, молъ, къ стопамъ владыки да упованія на него не имѣю: вся епархія трубитъ, что нашъ новый владыка-то немилостивъ“ *).—„Можетъ, и зря это говорятъ.... Вѣдь, ты не пытался ни о чемъ просить владыку, а надо попытать счастіе, не надо живымъ въ руки даваться благочинному“. Думаю себѣ: „а, вѣдь, дѣло моя баба-то говоритъ: быть можетъ, я еще не совсѣмъ пропалъ; быть можетъ, владыка и приметъ меня подъ покровъ свой“. Немножко ободрился я и сталъ думать о томъ, какъ бы мнѣ чрезъ владыку отъ бѣды спастись. Сначала я надумалъ просить владыку, чтобы онъ самъ учинилъ мнѣ экзаменъ; но потомъ отвергъ сію мысль. Про владыку Іоанна духовные говорили, что

*) Дѣйствительно, преосвященный Іоаннъ иногда безпощадно-строго поступалъ съ духовными лицами, не способными, по своей малограмотности, къ исполненію священно-церковно-служительскихъ обязанностей (а такихъ лицъ довольно было при Іоаннѣ). Но къ лучшей части духовенства владыка Іоаннъ относился очень милостиво, сердечно, чисто-отечески, чему мы можемъ привести не мало примѣровъ. Къ достоинствамъ владыки Іоанна еще надо отнести его крайнюю нестяжательность и рѣдкое безкорыстіе. По словамъ достопочтеннаго о. протоіерея С. В. Филаретова, у Іоанна, когда онъ былъ переведенъ въ Нижній Новгородъ, и когда ему пришлось въ зимнее время ѣхать въ новую свою епархію, не оказалось даже теплой рясы. Знакомые дворяне сшили преосвященному рясу.

онъ строго экзаменуетъ и причетникамъ даетъ вопросы, съ коими не совладать и иному присутствующему духовнаго правленія [1]). „Значитъ, думалось мнѣ, просить у владыки экзамена—дѣло неподходное. Ежели и на благочинническихъ-то экзаменахъ у меня иной разъ прилипаетъ языкъ къ гортани, то при архіерейскомъ-то испытаніи, пожалуй молъ, и совсѣмъ не отверзешь устъ своихъ. Тогда не токмо не поправишь своего дѣла, а, пожалуй, еще попадешь подъ гнѣвъ владыки и наживешь себѣ горшей бѣды. Выгоднѣе, видно,—рѣшилъ я—„бить на милосердіе владыки". И запала мнѣ въ голову такая думушка: предстать предъ владыкой не одному, а вкупѣ съ женою и чадами. „Ежели, помышлялъ я, мнѣ самому не удастся умилостивить владыку, то, быть можетъ, жена умолитъ его за меня; авось, владыка воззритъ окомъ милосердія и на моихъ малютокъ и ихъ ради пожалѣетъ меня, грѣшнаго. Ежели ужъ и симъ способомъ не удастся мнѣ на свою сторону сердце владыки преклонить, то скажу, молъ, я владыкѣ: оставляю-де на ваше архипастырское попеченіе мое семейство. А самъ—либо скроюсь въ лѣсу дремучемъ, либо у раскольниковъ себѣ пристанище обрѣту" (да, нечего грѣха таить, были у меня и такія мысли [2]). Повѣдалъ я женѣ о томъ,

---

[1]) Преосвященный Іоаннъ, какъ намъ извѣстно, испытывалъ причетниковъ въ чтеніи, пѣніи, церковномъ уставѣ, св. исторіи и катихизисѣ; но, при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія, подобный экзаменъ, конечно, казался очень труднымъ и былъ не по плечу многимъ духовнымъ.

[2]) Надобно замѣтить, что въ старое время, напр. при преосвященныхъ Амвросіи I и Иринеѣ, былъ не одинъ случай бѣгства лицъ православнаго духовенства къ раскольникамъ, особенно въ иргизскіе монастыри. Вѣроятно, это и наводило Сладкогласова на мысль искать спасенія у раскольниковъ.

что задумалъ явиться къ владыкѣ не одинъ, и сказалъ: „выручай, Аннушка, меня, горемычнаго“!

„Отродясь до сего времени моя супружница не бывала ни у какого начальства; однако она — сподоби ее, Господи, царства небеснаго!—не задумавшись согласилась ѣхать со мною въ Пензу, дабы предстательствовать за меня предъ владыкой. „Только я, сказала Анна Каллистратовна, съ такимъ большимъ человѣкомъ, какъ владыка, пожалуй, и слова молвить не съумѣю, ужъ ты меня научи, что мнѣ говорить-то... Еще боюсь я, какъ бы мнѣ совсѣмъ не оробѣть предъ владыкой-то“.—„Насчетъ, молъ, того, что говорить-то, не сумлѣвайся: я научу... Авось, говорю, на мое счастье, и смѣлости тебѣ Господь пошлетъ, и уста твои отверзетъ“!

„Какъ задумано было, такъ и сдѣлано. Пустилъ я по селу-то слухъ, что родитель мой занемогъ, и что я съ семействомъ ѣду навѣщать его (я опасеніе имѣлъ, какъ бы благочинный не провѣдалъ о моей поѣздкѣ въ Пензу; того ради и пустилъ слухъ насчетъ родительской болѣзни), а самъ, ни мало ни медля, пока еще не попалъ „подъ красную шапку“, заложилъ въ телѣгу свою лошадку, посадилъ жену съ дѣтьми и, съ полтиной въ карманѣ (ужъ и трудно было мнѣ занять эту полтину! Полсела я тогда изъ-за нея обходилъ), уѣхалъ въ Пензу“.

„Прибыли мы въ Пензу, да на другой же день всѣ, сирѣчь я и моя Анна Каллистратовна съ двумя дѣтьми на рукахъ, и явились въ архіерейскій домъ, и стали рядкомъ въ просительской комнатѣ. „Сейчасъ“, думалъ я, „будетъ рѣшенье моей судьбы... Что-то будетъ моей бѣдной головушкѣ“! Кажись, никогда я не извѣдывалъ такого трепета, какъ теперь, стоя въ архіерейскомъ домѣ.

„Признаться, наслышавшись о строгости владыки, я

больше ожидалъ неудачи для себя; а вышло, что я ошибся, и больно ошибся. Въ добрый-ли часъ попалъ къ владыкѣ, тронуло-ли Іоанна то, что жена съ дѣтьми явилась ходатайствовать за меня; но владыка больно милостивъ былъ ко мнѣ и моей супружницѣ и обошелся съ нами, словно отецъ родной. Вотъ вышелъ къ намъ, просителямъ-то, владыка (хоть я былъ въ то время и въ трепетѣ, и въ смятеніи, но сейчасъ-же призналъ владыку по панагіи, которая была у него на груди). Онъ былъ (мнѣ долго пришлось лицезрѣть владыку, и я хорошо разглядѣлъ его) молодой, лѣтъ, примѣрно, сорока, невысокаго роста, съ русой окладистой бородой, изъ себя красивый *). Видно, просительница съ двумя дѣтьми на рукахъ (я говорю про свою жену) показалась владыкѣ небывальщиной. Хоть и другіе въ то время у Іоанна просители были, но онъ прежде подошелъ къ моей супружницѣ и спросилъ: „ты просьбу ко мнѣ имѣешь“? Анна Каллистратовна уговорилась со мной, чтобы я толкнулъ ее локтемъ, когда выйдетъ владыка („а то“, говорила она, „я и другого кого, пожалуй, за владыку приму“); но я въ смущеніи-то позабылъ и про уговоръ нашъ. Анна Каллистратовна ужъ сама догадалась, что съ нею разговариваетъ владыка, и отвѣтила, съ подобающимъ поклономъ: „я, преосвященнѣйшій владыка, пришла просить за мужа своего (при семъ она указала на меня). Его хотятъ отдать на царскую службу, а меня съ малыми дѣтьми оставить безъ кормильца... Пожалѣйте, преосвященнѣйшій владыка, его и меня съ малыми дѣтьми“! Жена хотѣла, какъ я ее научалъ, поклониться въ землю владыкѣ, но онъ ее остановилъ: „у тебя“, сказалъ владыка, „на

*) Портретъ преосвященнаго Іоанна имѣется въ Пензенскомъ архіерейскомъ домѣ.

рукахъ двое дѣтей; тебѣ не до поклоновъ". Послѣ того Іоаннъ спросилъ меня: „въ чемъ дѣло-то? Кто тебя хочетъ отдавать на царскую службу"? И сказалъ онъ эти слова ласково, что я пріободрился. „Благочинный", говорю, „обрекъ меня на сію службу; а я, молъ, за собой никакой вины не вѣдаю и должность свою, какъ подобаетъ, справляю. Примите, говорю, преосвященнѣйшій владыко, меня съ домочадцами подъ покровъ свой"! Владыка спросилъ меня, въ какой должности я состою, въ чьемъ благочиніи нахожусь, какъ моя фамилія, не былъ-ли я подъ судомъ... Тутъ, совсѣмъ не въ пору, моя дочурка расплакалась. Услыхавши это, владыка сказалъ женѣ моей: „просьбу твою я слышалъ; теперь иди съ Богомъ, а мужъ твой пока останется у меня. Не бойся за него! Придетъ онъ къ тебѣ не въ солдатской шинели, а въ подрясникѣ". При семъ владыка улыбнулся. У меня послѣ таковыхъ словъ владыки отлегло отъ сердца, и я думалъ: „слава Богу! Кажись, дѣло мое благополучно обстоитъ"!

„Поговорилъ владыка съ прочими просителями и отпустилъ всѣхъ; остался я единъ. „Ну, теперь", сказалъ мнѣ владыка, „держи экзаменъ, чтобы было за что милость тебѣ оказать. Мастеръ что-ли ты читать-то"?—„Не дерзаю", говорю, „преосвященнѣйшій владыко, хвалить себя; вы, говорю, своимъ архипастырскимъ окомъ сіе лучше усмотрите". —„Говоришь-то ты складно", похвалилъ меня владыка и приказалъ келейнику дать мнѣ псалтырь. Заставилъ меня владыка сперва почитать, а потомъ пропѣть „Господи воззвахъ" на 6 гласъ (когда я пѣлъ, владыка самъ собла-говолилъ подтянуть мнѣ теноркомъ: любилъ онъ пѣніе-то) да далъ изъ священной исторіи одинъ легонькій вопросъ. Милость что-ли владыка хотѣлъ явить мнѣ; но только онъ такой легкій экзаменъ мнѣ учинилъ, что я про себя ду-

малъ: ежели бы благочинный такъ меня экзаменовалъ, вѣдь я никогда не остался бы безотвѣтенъ. Мнѣ не хотѣлось и вѣрить тому, что говорили про строгость владыки да про его мудреные вопросы".

„Послѣ экзамена я, паче чаянія, услыхалъ отъ владыки Іоанна таковыя милостивыя слова: „поѣзжай съ Богомъ домой, да скажи своему благочинному: „архіерей велитъ такихъ причетниковъ, какъ я, беречь для епархіи". Скажи это безпремѣнно"!

„Видючи владыку столь милостивымъ къ себѣ, я подумалъ: „не воспользоваться-ли милосердіемъ владыки и стихаря за-одно у него себѣ не попросить-ли"? Смѣлость на меня такая нашла, и я сказалъ: „почитай пять лѣтъ я, преосвященнѣйшій владыко, на службѣ обрѣтаюсь, а стихаря не имѣю. Явите, говорю, преосвященнѣйшій владыко, мнѣ еще свою милость: посвятите меня въ стихарь". Іоаннъ, видно, до конца захотѣлъ излить на меня свою милость: черезъ день, при своемъ служеніи, онъ далъ мнѣ стихарь" (при Іоаннѣ-же, къ слову сказать, я сталъ и дьячкомъ, въ силу таковой резолюціи владыки: „Сладкогласова, какъ свѣдущаго въ причетническихъ предметахъ, возвести на высшую степень бытія *): изъ понамарей во дьячка").

„Значитъ, по милости Божіей и по благоволенію ко мнѣ владыки Іоанна, гроза, собиравшаяся въ 1831 году надъ моей головой, благополучно для меня миновалась. Но не всѣмъ на долю выпало такое счастье: въ семъ году многотаки людей изъ нашей духовной братіи попало „подъ красную шапку"! Послѣ разбора духовенству не мало было въ

*) Выраженіе: „возвести на высшую степень бытія" приходилось и намъ встрѣчать въ резолюціяхъ преосвященнаго Іоанна.

нашей Пензенской епархіи плачущихъ: кто плакалъ о сынѣ, отданномъ въ солдаты, кто—о мужѣ... И теперь морозъ пробѣгаетъ по тѣлу, когда вспомнишь про 1831 годъ.. Воистину надо сказать: тяжелъ былъ сей годъ для духовенства"!

М. Сацердотовъ.